

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал**

**РАЗВИТИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА**

**Материалы
VIII Всероссийской научно-практической конференции**

(31 марта 2022 г.)

Сборник статей

Краснодар
2023

УДК 341:341.9
ББК 67.9:67.93
Р17

Ответственный редактор:

*Симатова Е.Л., кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой международного права, СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

Р17 Развитие и применение международного права и международного частного права : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (31 марта 2022 г.). Сборник статей / Отв. ред. Е.Л. Симатова; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2023. – 92 с.

ISBN 978-5-91718-746-4

Настоящее издание содержит научные статьи участников VIII Всероссийской научно-практической конференции «Развитие и применение международного права и международного частного права», которая состоялась в СКФ ФГБОУВО «РГУП» 31 марта 2022 года. Работы посвящены теоретическим и практическим аспектам развития и применения международного права, актуальным проблемам международного частного права, а также вопросам международного уголовного права и международного сотрудничества в сфере борьбы преступностью. Сборник включает научные статьи преподавателей высших учебных заведений, научных и практических работников.

Особое место занимает раздел «Трибуна молодого ученого», посвященный тематике актуальных проблем правового регулирования и разрешения споров в международном гражданском обороте.

Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов и факультетов, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами развития и применения международного права и международного частного права.

ББК 67.9:67.93
УДК 341:341.9

ISBN 978-5-91718-746-4

© Коллектив авторов, 2023
© Оформление ООО «Издательский
Дом – Юг», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Развитие и применение международного права и международного частного права

Бахметьев П.В.

О некоторых особенностях имплементации норм
Евразийского экономического союза
в законодательство Российской Федерации 5

Бахновский А.В.

К вопросу об исполнении международных обязательств
на современном этапе: проблема «двойных стандартов» 9

Гигинейшвили М.Т.

20 лет работы Международного уголовного суда:
итоги и перспективы 16

Князькина А.К.

Международно-правовые основы криминализации
преступлений против правосудия 20

Козлов Д.В.

Новое международное право нового миропорядка 28

Коновалов А.К.

Международно-правовые основания криминализации
уголовно-правовых норм о противодействии
распространению опасных заболеваний 31

Кудрявцева Л.Д., Бубненко Р.Р.

Некоторые аспекты международного права
на современном этапе 35

Мигачева А.Ю.

Институт представительства в международном частном праве 41

Новикова Т.В.

Об автономии воли сторон и наиболее тесной связи
как необходимых и достаточных принципах
коллизивно-правового регулирования 47

Раджабов С.А.

Роль и значение посла в трактате «Дастур ал-мулук»
Хаджи Самандара Термизи 53

Симатова Е.Л. Коллизионное регулирование договорных отношений в киберпространстве	57
Торопкин С.А. Проблемы международно-правового сотрудничества России по вопросам пенсионного обеспечения	60
Шаповал О.В. Особенности правового режима линейного объекта как недвижимого имущества: международно-правовой аспект	65

Раздел II

Актуальные проблемы правового регулирования и разрешения споров в международном гражданском обороте

Трибуна молодого ученого

Асилян Л.В. Брачный договор как способ регулирования имущественных отношений, осложненных иностранным элементом	71
Демченко М.В. Трансформация авторского права в России в условиях вводимых санкций	73
Клочков А.В. «Великая хартия моря» как веха в истории международного морского права	77
Куц С.О. Развитие коллизионного режима договорных правоотношений с иностранным элементом: историко-правовой анализ статьи 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации	82
Пятигора Г.Н. Об изменениях внутригосударственных актов в связи с вступлением Российской Федерации в ВТО	88

РАЗДЕЛ I

РАЗВИТИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

*Бахметьев П.В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»,
г. Краснодар*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Интеграционные процессы, запущенные в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), созданного в 2000 г. и просуществовавшего до 2014 г., нашли своё логическое развитие в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Основными задачами таких процессов является всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик и создания условий стабильного развития экономик стран, на разных уровнях участвующих в них.

В условиях санкционного давления, подобная экономическая интеграция на евразийском пространстве обретает особую актуальность. Наряду со странами-участницами ЕАЭС в эти интеграционные процессы вовлечены и государства, вошедшие в зону свободной торговли с организацией. А также те страны (более 50), которые выразили интерес в сотрудничестве не только с отдельными государствами Союза, но и с ЕАЭС, как целостной структурой.

Наряду с внешним взаимодействием, интенсифицируются и внутренние интеграционные процессы в экономической сфере. Так, в 2021 г. взаимный товарооборот государств-членов ЕАЭС составил 72,6 млрд дол. США, в то время, когда аналогичный показатель 2020 г. составил всего 55 млрд. На январь 2022 г. положительная динамика прослеживается как во внутреннем обороте (5 млрд долл. США и 4,2 за январь 2021 г. – в процентном соотношении 117,3 %), так и во внешнеторговом обороте (76,2 млрд долл. США к 46,8 млрд за январь 2021 г. – в процентном соотношении 162,6).

Анализ статистики говорит об эффективности подобного сотрудничества. Рост объёмов товарооборота как внутри ЕАЭС, так и вне его рамок, говорит об объективной потребности государств в сотрудничестве и необходимости находить пути более эффективного экономического

взаимодействия, вне зависимости от международной политической повестки. Существенный вклад в такие успехи ЕАЭС внесли те интеграционные процессы, в результате которых, государства-члены обрели единую таможенную территорию, создали согласованную и единую систему экономической политики, а также организовали возможность свободного перемещения товаров, рабочей силы и капитала.

В ст. 2 Договора о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) даны следующие определения: «Гармонизация законодательства» – сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах.

«Унификация законодательства» – сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных настоящим Договором¹.

Термину «имплементация» в документе не уделено столько внимания. Если рассматривать его через призму научной литературы, то можно выделить основные схожие понятия, которые чаще всего используются для его определения: отсылка; рецепция; унификация; преобразование; трансформация; создание специального правового режима; отмена внутригосударственных актов, противоречащих международным обязательствам и др.²

Некоторые из этих терминов являются взаимообъемлющими, взаимопроницаемыми, поэтому «гармонизация» и «унификация», выбранные в качестве терминологического аппарата Договора о ЕАЭС, представляют собой конкретные инструменты, выбранные договаривающимися сторонами для имплементации норм Союза.

Гармонизация и унификация законодательства в рамках ЕАЭС имеет наднациональный характер и происходит не в рамках двусторонних соглашений, а в рамках единой, согласованной политики организации. Для этих целей, ещё в рамках ЕврАзЭС, была разработана Концепция Основ законодательства ЕврАзЭС об инвестициях (одобрена постановлением Бюро Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС от 06 апреля 2010 г. № 9), а в рамках Таможенного союза – Таможенный кодекс Таможенного союза. На смену последнему пришел Таможенный кодекс ЕАЭС, в рамках которого осуществляется единое таможенное регулирование, включающее в себя установление порядка и условий перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, их нахождения и использования на таможенной территории

¹ Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014). – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=212769-7702&req=doc&rnd=wJZS1g&base=LAW&n=415670#lz7Xe5TMTPiU0DD81> (дата обращения 03.02.2022).

² Карасев А.Т. Отдельные вопросы имплементации норм законодательства Евразийского экономического союза в законодательство Российской Федерации / А.Т. Карасев, О.А. Кожевников, В.А. Мещерягина // Антиномии. – 2021. – № 3. – С. 81–106.

Союза или за ее пределами, порядка совершения таможенных операций, связанных с прибытием и убытием, временным хранением товаров, их таможенным декларированием и выпуском, иных таможенных операций, порядка уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин и проведения таможенного контроля, а также регламентацию властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и (или) распоряжения товарами на таможенной территории Союза или за ее пределами¹.

Подобный подход позволяет разделить нормы на общие «надгосударственные», которые действуют в рамках ЕАЭС и императивно поддерживают интеграцию и нормы, которые оставляют определённую свободу действий для государств-членов².

Евразийский экономический союз, как надгосударственная структура, порождает некие особые подходы к интеграции и взаимодействию. Конечно, такие отношения являются международно-правовыми, но в то же время, столь тесное сотрудничество неизбежно ведёт к возникновению своей собственной внутренней «экосистемы», которая, являясь самостоятельным субъектом международного права, может расширить спектр возможных экономических взаимодействий как внутри ЕАЭС, так и за его пределами.

Если в качестве материального воплощения усилий в области сотрудничества внутри ЕАЭС можно привести Таможенный кодекс ЕАЭС, то одним из примеров реализации механизмов внешней торговой интеграции, может послужить, например соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом. Оно было заключено 29 мая 2015 г. и явилось первым соглашением ЕАЭС со страной, не входящей в организацию. В рамках этого соглашения, предполагается взаимное упрощение доступа на товарные рынки, а также оно охватывает (в отношении России) сферу услуг, взаимные инвестиции, передвижение трудовых ресурсов, обмен технологиями и информацией³.

На практике, реализация этого соглашения потребовала получения всеми сторонами соглашения уведомлений о выполнении внутригосударственных имплементационных процедур, то есть каждое отдельное государство-член ЕАЭС ратифицировало это соглашение на национальном уровне. Например, в Российской Федерации был принят федеральный закон от 01 мая 2016 года № 120-ФЗ «О ратификации Соглашения о свободной

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/456058064> (дата обращения 03.02.2022).

² Васякина Е.В. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: особенности, проблемы, перспективы / Е.В. Васякина // Российская юстиция. – № 11. – С. 15–17.

³ Ушкалова Д.И. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом: механизмы торговой интеграции / Д.И. Ушкалова // Вестник Института экономики РАН. – 2018. – № 6. – С. 24–34.

торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, Протокола № 1 между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам к Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, и Протокола № 2 между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам к Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны».

Два протокола, которые были ратифицированы вместе с соглашением, содержат индивидуальные условия взаимодействия Российской Федерации и Республики Вьетнам, в рамках заключённого с ЕАЭС соглашения, связанные с регулированием правового режима между Российской Федерацией и Вьетнамом, требовали дополнительного урегулирования. Это показывает гибкость механизма имплементации, возможность уникального и индивидуального подхода в каждой конкретной ситуации. Изящество такого решения заключается в том, что участие в ЕАЭС не накладывает чрезмерных формальных ограничений не его членом и позволяет в индивидуальном порядке дополнять многосторонние соглашения, что делает интеграционные процессы более эффективными и выгодными для всех сторон.

Среди особенностей интеграционных процессов в любых подобных объединениях, можно выделить одно из основных препятствий на пути всеобщей гармонизации и унификации внутри таких структур – терминологические и языковые расхождения. Основа этой особенности лежит в плоскости плюрализма культурного, ментального, социального развития каждого отдельного народа в рамках государств, планирующих интеграцию. Все эти факторы так или иначе оказывают своё влияние на формирование национального законодательства. Несмотря на светскость отдельных государств, религиозный аспект тоже может оказывать влияние на концептуальное восприятие тех или иных процессов, что может вызвать «несовместимость» отдельных аспектов. Например, ростовщичество в Исламских странах.

Несмотря на то, что участницы ЕАЭС – страны с общим прошлым и, соответственно, частично с общей культурой, эта проблема не обошла стороной и Союз. Примеры терминологических расхождений особо заметны в новейших отраслях экономики. Криптовалюты, blockchain, смарт-контракты (умные контракты), цифровые валюты, NFT – все эти явления сначала получили разную правовую оценку в каждом государстве. В качестве более понятного примера можно привести явление, уже достаточно давно вошедшее в наш быт – компьютерные программы.

Так, п. 4 Протокола «Об охране прав на объекты интеллектуальной собственности» содержит оборот «Программы для электронно-вычислительных машин (компьютерные программы)». В то же время,

законодательство Российской Федерации применяет термин «программы для ЭВМ», а в ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» используется словосочетание «Компьютерная программа»¹.

ЕАЭС не является надгосударственным законодательным органом и поэтому, подобного рода терминологические проблемы будут продолжать возникать с возникновением новых видов правоотношений и новых технических способов взаимодействия. Современный технологический прогресс зачастую опережает не только наднациональные структуры, но внутригосударственных законодателей, в условиях бюрократических процедур, многие явления успевают преодолеть пик своей активности, так и не получив правовой оценки даже на национальном уровне. Тем не менее, само стремление сторон к сотрудничеству, которое подтверждается, в том числе, и статистическими данными, приведёнными выше, позволяет ad hoc гибко реагировать на те или иные изменения во внешней среде.

Таким образом, несмотря на ряд особенностей и проблем, которые нельзя назвать нерешаемыми, ЕАЭС обладает колоссальным потенциалом, раскрытие которого только интенсифицируется санкционной политикой третьих стран. В рамках Союза была выработана гибкая система имплементации норм, которая позволяет производить «тонкую настройку» тех внешних отношений, в которые вступает отдельное государство-член ЕАЭС. Такой подход, во многом нивелирует существующие проблемы и даёт больше свободы национальным законодателям, при этом сохраняя структурное единство в рамках Союза.

*Бахновский А.В.,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,
доцент кафедры международного права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»,
г. Краснодар*

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНИМОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМА «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ»

Международное и внутринациональное право не являются полностью изолированными системами: в развитом правовом государстве они всегда взаимодействуют и обогащают друг друга, сохраняя при этом автономность и объективность. В науке и практике высказывается достаточное количество

¹ Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах». – URL : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=43409 (дата обращения 03.02.2022).

мнений о природе сосуществования указанных систем, что подтверждает тезис о сложной природе изучаемых категорий. Принимая на себя международное обязательство и действуя добросовестно, государству следует объективно оценивать свой потенциал на исполнение истинного назначения документа, в том числе, необходимость корректировок внутринационального права (если актуальная национальная правовая система допускает такой вариант).

Необходимо также учитывать, является ли обязательство статичным или же его наполнение может в дальнейшем официально разъясняться (толковаться): этот параметр способен кардинально повлиять на исполнимость согласованного официального документа и содержащихся в нём положений. В первом случае договаривающаяся сторона может ориентироваться только на текстуальную и неизменяемую форму, а во втором – получить обязательство в виде изменяемого акта толкования, который, вероятно, не будет отвечать интересам всех без исключения участников международного соглашения.

Как неоднозначный можно охарактеризовать подход к восприятию Европейского суда по правам человека в качестве творца нормативных обобщений, непосредственно и опосредованно влияющих на национального законодателя. Заметим, что ссылка на положения ч. 1 ст. 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в данном случае не полностью подтверждает указанный тезис: «В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47». Тонкая грань между толкованием и нормотворчеством должна оставаться различимой – в противном случае будет иметь место подмена истинной воли авторов международного документа требованиями конкретной ситуации.

Согласно позиции А.А. Иваненко, Европейский суд по правам человека на основании положений Конвенции 1950 года был наделен полномочиями по толкованию и применению положений документа, с тем чтобы, не внося изменений в раздел документа, посвященный гарантируемым правам и свободам, сохранить актуальность Конвенции¹. В завершении исследования автор соглашается с позицией Владимира Александровича Туманова², ведя речь о важности актов толкования положений Конвенции о защите прав человека 1950 года со стороны Европейского суда по правам человека «для правильного понимания закреплённых в этом договоре гарантий»³.

¹ Иваненко А.А. Формы и пределы интерпретационной деятельности Европейского суда по правам человека / А.А. Иваненко // Вестник Омской юридической академии. – 2015. – № 4. – С. 17–21.

² Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека: очерк организации и деятельности. – М. : Норма, 2001. – С. 89.

³ Иваненко А.А. Формы и пределы интерпретационной деятельности Европейского суда по правам человека / А.А. Иваненко // Вестник Омской юридической академии. – 2015. – № 4. – С. 21.

Микеле де Сальвиа рассматривает практику расширительного толкования положений Конвенции со стороны ЕСПЧ как ожидаемое и вполне естественное явление с учётом того, что официальный документ изначально не содержит предельно точных определений, предоставляя достаточную свободу действий судебному органу по толкованию конвенционных обязательств в текущих условиях¹. Указанный «манёвр» в совокупности с устойчивой практикой принятия дополнительных протоколов и расширения регулятивного воздействия на суд через совершенствование внутренних документов (включая регламенты) позволяет сохранить актуальность положений Конвенции в изменяющихся общественно-правовых отношениях.

Необходимо отметить, что многими представителями науки даётся достаточный объём пояснений относительно природы деятельности Европейского суда по правам человека: «они являются актами авторитетного судебного органа, а не нормативными правилами; адресуются, как правило, участникам процесса»².

Владимир Александрович Туманов отмечает, что «нормы Конвенции должны толковаться и применяться таким образом, чтобы придать её положениям свойства эффективности и соответствия реальным (действительным) обстоятельствам»³. Именно этот подход в научной среде получает наименование «эволютивного толкования»⁴. Предостережение в части отказа от перевода толкования судом положений Конвенции в плоскость нормотворчества высказывались неоднократно: так бывший председатель ЕСПЧ Р. Рисдаль, подтверждая следование эволютивного толкования развитию общественной формации, высказывал опасения в части перехода толкования на уровень судейского активизма. Представитель фемиды не поддерживал идею того, что судейский корпус получал возможность действовать в профессиональном статусе исходя из собственных предпочтений развития конкретного правомочия заявителей (даже если это соответствовало общим предпочтениям).

Такой подход поддерживает Марк Львович Энтин, при этом отмечая положительный эффект от воздействия судебного активизма и судебного

¹ Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека: руководящие принципы судеб. практики, относящиеся к Европ. конвенции о защите прав человека и основ. свобод. Судеб. практика с 1960 по 2002 г. / М. де Сальвиа; Пер. с фр. А.А. Жуковой, Г.А. Пашковской; Науч. ред. и предисл. Ю.Ю. Берестнева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004 – 1071 с.

² Караманукян Д.Т. Акты Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе : учеб. пособие. – Омск : Ом. юрид. акад., 2013. – 96 с.

³ Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека: очерк организации и деятельности. – М. : Норма, 2001. – 295 с.

⁴ Караманукян Д.Т. Провокация преступлений в прецедентном праве Европейского Суда по правам человека / Д.Т. Караманукян // Акт. вопр. публ. права. – 2013. – № 1. – С. 10–24.

нормотворчества на придание положениям Конвенции 1950 года новых качественных характеристик: превращении её из «набора общих и сравнительно абстрактных максим и лозунгов» в «стройный свод четких и ясных правил. Именно они теперь, а не сама конвенция, регламентируют внутреннюю жизнь государства и общества в европейских странах»¹ – указывает автор.

В научной среде высказывается мысль о том, что задача Европейского суда по правам человека в рамках интерпретации Конвенции состоит в уточнении конкретных положений документа для их дальнейшего правильного применения государствами. Официальная позиция Европейского суда полностью соотносится с таким подходом: в деле Хандисайд против Соединенного Королевства (*Handyside v. the United Kingdom*) ещё в 1976 году суд пояснил истинное предназначение Конвенции, указав на «обеспечение гарантий в пользу практических и эффективных прав, исключая элементы иллюзорности и теоретизированности»².

Правовой симбиоз Конвенционных положений и деятельности Европейского суда изначально может показаться вполне понятным и немногосторонним: однако, такое впечатление ошибочно. Предельно лаконичные положения Конвенции «подпитываются» особой правовой материей – практикой рассмотрения дел, применением Конвенции в отношении всех государств-участников, что на уровне Конвенции признаётся обязательным толкованием для основных субъектов международного права-участников Конвенции. Расширительный подход в толковании, признаваемый необходимым элементом реализации истинного смысла конвенционных положений, фактически «завершает» основную часть тезисов об особенностях действия конвенционных предписаний.

Конвенция при этом заявляет о принципе субсидиарности: основная нагрузка в реализации положений Конвенции возложена на государства, ошибочные действия которых в реализации положений Конвенции (или предположение о таких действиях заявителем) может быть предметом разбирательства на уровне Европейского суда.

Для Российской Федерации «отправной точкой» в вопросах признания обязательности практики Европейского суда для национального правоприменителя можно считать п. 10 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного

¹ Энтин М.Л. Эволютивный подход в теории и практике ЕСПЧ / М.Л. Энтин // Интернет-журнал «Вся Европа». – 2011. – № 2.

² Хандисайд против Соединенного Королевства (*Handyside v. the United Kingdom*): постановление Европ. Суда по правам человека от 07 дек. 1976 г. (жалоба № 5493/72) // Сайт О. Анщика о подаче жалоб против России в Европейский Суд по правам человека. – URL : <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/handisajd-protiv-soedinennogo-korolevstva-postanovlenie-evropejskogo-suda> (дата обращения 10.03.2022).

права и международных договоров Российской Федерации», в котором указано: «Российская Федерация признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод»¹.

Председатель Конституционного Суда РФ Валерий Дмитриевич Зорькин неоднократно отмечал: «...правовые позиции Европейского суда, излагаемые им в решениях при толковании положений Конвенции и протоколов к ней, и сами прецеденты Европейского суда признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер»².

Вопросы эффективности права и его справедливости раскрываются в работе доктора наук, профессора Владимира Ивановича Червонюка³, в которой автор пишет о перенасыщении отечественного правового пространства несовершенными дефинициями и оценочными понятиями, что влечет неясность для гражданина как адресата нормативного регулирования. Владимир Иванович приводит текст постановления Европейского суда по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации», где суд выдвигает критерии доступности и предсказуемости закона, который «...должен быть...сформулирован достаточно точно, чтобы гражданин мог – при необходимости с надлежащей помощью – соотносить с ним свое поведение»⁴.

Концептуально обязательность постановлений Европейского суда по правам человека с учетом положений ст. 46 Конвенции 1950 года и требований ст. 26 Венской конвенции 1969 года⁵, для Российской Федерации не может служить предметом для оспаривания. Ратифицировав Венскую конвенцию, Советский союз и Россия (как его «продолжатель») утратили возможность ссылаться на национальное право в качестве обоснования для неисполнения международного обязательства, в том числе, возникшего ввиду

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 N 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

² Интернет-интервью с В.Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ: «Предварительные итоги деятельности Конституционного Суда РФ на пороге 15-летия». – URL : <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkin> (дата обращения 10.03.2022).

³ Червонюк В.И. Имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство (современный контекст) / В.И. Червонюк // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 75–83.

⁴ Постановление ЕСПЧ от 06.06.2013 Дело «Авилкина и другие (Avilkina and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 1585/09) // Российская хроника Европейского Суда. – 2014. – № 1.

⁵ Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в г. Вене 23.05.1969) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLII. – М., 1988. – С. 171–197.

ратификации Конвенции 1950 года. Однако речь идёт о постановлениях в резолютивной их части, где суд делает вывод о наличии или отсутствии нарушения требований Конвенции и присуждает заявителю справедливую компенсацию за счёт средств государства-ответчика. А как следует поступать в отношении полнотекстового варианта решения, когда ответчик фактически получает указание на необходимость приведения в соответствие толкованию Конвенции (осуществляемого непосредственно ЕСПЧ) собственного национального законодательства?

Автор работы полагает, что актуальные политические оттенки правоприменения в подходах Европейского суда не случайны и имеют конкретную цель. Ранее общепризнанные объективность и взвешенность суждений Суда о фиксации нарушений Конвенции, аполитичность требований об устранении допущенных нарушений, по крайней мере, в отношении нашего государства – впоследствии подвергались жесткой критике. ЕСПЧ постепенно обрёл явно выраженные амбиции и стратегию, а при таком подходе 15 марта 2022 года Российская Федерация пересмотрела стремления последних 30-ти лет «стать западным государством» через беспрекословное восприятие и имплементацию прогрессивной модели, в том числе, подходов Европейского суда по правам человека.

Полезный опыт от такого взаимодействия, безусловно, есть и его нужно сохранить, но крайние рассмотренные Европейским судом «громкие дела» позволяют усомниться в том, что постановления вынесены в прямом смысле беспристрастным арбитром...не следует заранее отрицать вероятность того, что их идеологическим автором является политически ангажированное лицо, явно испытывающее к отдельным государствам определенную неприязнь.

Неоднократно перед выходом Российской Федерации из состава Совета Европы высшие должностные лица нашего государства, включая, президента Владимира Владимировича Путина, настаивали на отказе Суда сохранять политизированный подход в практике рассмотрения дел против России. Элемент доверия, на котором был основан факт участия российской стороны в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, сегодня оказался утраченным, хотя этому предшествовали многократные попытки поиска точки компромисса, включая внесение в ноябре 2020 года изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ необходимых изменений для создания эффективного механизма блокирования вынесенных Европейским судом по правам человека (в том числе) постановлений в случае их противоречия положениям Конституции Российской Федерации². В действительности Россия законодательно

¹ О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

оформила субсидиарный характер деятельности Европейского суда по правам человека, то есть, подтвердила положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 года, что было воспринято с достаточным уровнем негатива в Совете Европы. Внесенные в ФКЗ «О конституционном суде Российской Федерации» и Конституцию России изменения – позволили определить границу реального принятого обязательства и чрезмерно расширительного толкования последнего. Несмотря на то, что Российская Федерация частично повторила модель немецкого законодательства, в которой Конституционный суд также наделен правом блокировать постановления Европейского суда – именно наш проект вызвал негодование со стороны Совета Европы.

Стараясь избежать рассмотрения актуальных вопросов геополитического противостояния, которое уже выразилось в игнорировании многими странами Запада основного принципа международного права «*Pacta sunt servanda*» («договоры должны соблюдаться») – автор полагает, что природа международного права основана на взаимном доверии и взаимном уважении. Переводя сотрудничество в неприемлемую плоскость, контрагенты должны оценивать собственные риски экономического и политического характера, включая уровень «договороспособности», как указывает министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров.

16 сентября 2022 года актуальные обязательства в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод будут для России прекращены (за исключением фактов нарушения положений Конвенции вплоть до этой даты). Сотрудничество Российской Федерации и Совета Европы носило сложный и противоречивый характер, хотя российская сторона изначально не призывала к уникальному лояльному подходу со стороны международной организации, настаивая исключительно на объективной оценке ситуации. Эти призывы были проигнорированы, что привело к негативным последствиям для самого Совета Европы: без ежегодного взноса со стороны Российской Федерации у Совета Европы не будет средств на сохранение действующего формата работы, что было продемонстрировано несколько лет назад при замораживании взносов в пользу международной организации в ответ на лишение права голоса России в ПАСЕ.

Таким образом, международные обязательства в современном мире остаются достаточно важным и многогранным элементом, основанном на доверии и взаимном уважении, что позволяет фиксировать положения официальных документов общими формулировками. Злоупотребление своими полномочиями в рамках исполнения обязательства (или контроля за его исполнением), применение «двойных стандартов», всегда будет иметь негативные последствия, включая экономические и геополитические; восстановление же «кредита доверия» в некоторых случаях может оказаться невозможным.

*Гигинейшвили М.Т.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»,
г. Краснодар*

20 ЛЕТ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

20 лет назад распахнул свои двери Международный уголовный суд. Он действует на основании Римского статута, подписанного в 1998 г., и является ответом на потребность мирового сообщества в постоянном наднациональном органе уголовной юстиции¹.

Разговоры о необходимости создания постоянного суда для наказания лиц, совершивших международные преступления, ходили с момента принятия Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказания за него 1948 г.² Проект Статута был подготовлен 1950 г. Комиссией международного права, однако потом Генеральная Ассамблея ООН отложила его до принятия определения агрессии и Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества³. Так, идея создания Международного уголовного суда была заброшена на долгие годы. Отчасти это обуславливалось напряженными отношениями во время холодной войны. Хотя в конце 1970-х г. юристы из разных «лагерей» Стоун, Р. Войцель, И.П. Блищенко объединили свои усилия в Международный Фонд по созданию МУС⁴. В 1989 г. Тринидад и Тобаго выступили с предложением вернуться к разработке Статута. В 1994 г. по поручению Генеральной Ассамблеи ООН Комиссия международного права представила очередной проект. В нем было значительно больше преступлений. Предлагалось распространить юрисдикцию МУС на конвенционные преступления террористического характера и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Однако в окончательном варианте государства договорились оставить только преступления против человечности, геноцид, военные преступления и агрессию⁵.

¹ Korman Sh. The right of Conquest: The Acquisition of Territory by Force in International Law and Practice. – Oxford, 2003. – P. 9.

² Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. Принята Резолюцией ГА ООН 260 (III)В от 09 декабря 1948 г. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения 01.03.2022).

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 898 (IX).

⁴ Трикоз Е.Н. Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы / Е.Н. Трикоз // Журнал Российского права. – 2005. – № 3(99). – С. 134–147.

⁵ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Московский журнал международного права. – 1999. – № 4.

Первые три преступления четко регламентированы Статутом, субъективные и объективные признаки были подробно раскрыты в Элементах преступлений. А вот касательно дефиниции преступлений против мира в Риме участники не смогли прийти к консенсусу, в связи с чем было оговорено, что дела по факту агрессии МУС будет полномочен рассматривать только после принятия ее определения. В 2010 г. на Конференции по обзору Статута Международного уголовного суда в Кампале была принята поправка, определяющая данное преступление¹. 14 декабря 2017 г. Ассамблея государств-участников приняла резолюцию, активизирующую юрисдикцию Международного уголовного Суда в отношении агрессии², с 17 июля 2018 г. она вступила в силу.

В *travaux préparatoires* были ограничены полномочия прокурора. Только государства-участники и Совет Безопасности ООН могли передавать дело Суду³. По мнению С.А. Грицаева, тот факт, что по итогам переговоров прокурор получил полномочия инициировать возбуждение дел в МУС является «одним из существенных завоеваний сторонников сильного Суда» и «предвестников возможного усиления полномочий Суда»⁴.

Некоторым авторам видится спорным право государств на обращение в МУС. Они считают, что есть опасность злоупотребления со стороны государств, которые, не желая самим проводить расследование, могут существенно загрузить Суд работой или использовать такую возможность как способ избавления от политических оппонентов⁵. Когда Уганда в 2003 г. передала ситуацию, связанную с Господней Армией сопротивления, прокурор сразу пояснил, что будет расследовать все преступления, произошедшие на Севере Уганды, независимо от того, кто их совершил⁶.

Также критике подвергалась ст. 12 Римского Статута по причине распространения юрисдикции МУС на граждан государств, не

¹ Конференция по обзору Римского статута Международного уголовного суда (Кампала, 31 мая – 11 июня 2010 г.). Официальные отчеты. – URL : [https://crime ofaggression.info/documents/6/Review-Conference-offiical-records-RUS.pdf](https://crimeofaggression.info/documents/6/Review-Conference-offiical-records-RUS.pdf) (дата обращения 12.03.2022).

² Резолюция по активизации юрисдикции Международного уголовного Суда в отношении преступления агрессии от 14 декабря 2017 г. 9. – URL : <http://opiniojuris.org/wp-content/uploads/ICC-ASP-16-L10-ENG-CoA-resolution-14Dec17-1130.pdf> (дата обращения 12.03.2022).

³ *An Introduction to International Criminal Law and Procedure* / R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmschurst. – Cambridge, 2010. – P. 145.

⁴ Грицаев С.А. Международный уголовный Суд: принципы деятельности, юрисдикция, правила процедуры / С.А. Грицаев // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 10. – С. 124–133.

⁵ *An Introduction to International Criminal Law and Procedure* / R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmschurst. – Cambridge, 2010. – P. 166.

⁶ Letter of the Prosecutor of 17 June 2004 attached to the Presidency Decision to assign the situation in Uganda to Pre-Trial Chamber II. – URL : https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2007_02419.PDF (date of the application 1.03.2022).

ратифицировавших Статут. Сторонники этой позиции, ссылаясь на ст. 34 Венской Конвенции о праве международных договоров, утверждали, что договоры не создают прав и обязанностей для третьего государства без его согласия¹. Однако, полагаем, что данное предписание Статута не противоречит международному праву, ибо зарубежный суд или трибунал могут привлекать к ответственности иностранца на основании принципа территориальной, пассивной персональной или универсальной уголовной юрисдикции.

Одним из основных упреков в адрес МУС является его обвинение в расизме. Как заявляют А.М. Солнцев и Ж.Б. Букуру, это суд над африканцами². Смеем не согласиться с данным тезисом. Международному уголовному суду подсудны не все противоправные деяния, а лишь международные преступления. И если данные преступления имели место быть на Африканском континенте, а не в Европе, то причина рассмотрения ситуации в Демократической Республике Конго вместо Италии, например, очевидна. Более того, с недавних пор офис прокурора занимается изучением ситуации в Грузии, на Украине, в Афганистане, Колумбии³.

На данный момент Римский Статут насчитывает 123 участника: 33 африканских государства, 19 стран из Тихоокеанского региона, 18 – из Западной Европы, 28 представителей стран Латинской Америки и Карибского бассейна, 25 Восточноевропейских и др.⁴ Три постоянных члена Совета Безопасности ООН (Россия, США и Китай) не являются участниками Римского Статута, что, по мнению Б.Р. Тузмухамедова и В.Н. Ойвина снижает авторитетность данной организации⁵. Российская Федерация изначально подписала Статут, по Поручению Президента РФ от 10 января 2003 года № Пр-48 была создана Межведомственная рабочая группа, однако через некоторое время работа над законопроектом о ратификации была приостановлена, а в 2016 г. Президент принял Распоряжение № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского Статута Международного уголовного суда»⁶. Здесь же нельзя не отметить государства, которые вышли из состава МУС – ЮАР и Бурунди. Поводом для ЮАР стал скандал с

¹ См.: M. Scharf. The ICC's Jurisdiction Over the Nationals of Non-Party States: a Critique of the US Position. *Law and Contemporary Problems*. – 2001. – № 64. – P. 98.

² Солнцев А.М. Вопросы легитимности Международного уголовного суда в его отношениях с африканскими государствами в сфере борьбы с международными преступлениями / А.М. Солнцев, Ж.Б. Букуру // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 332–339.

³ Situations and cases. – URL : <https://www.icc-cpi.int/cases> (date of the application 01.03.2022).

⁴ Assembly of State Parties. – URL : <https://asp.icc-cpi.int> (date of the application 01.03.2022).

⁵ См.: Котляров И.И. 10 лет Международному уголовному суду / И.И. Котляров, Ю.В. Пузырева // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2012. – № 6. – С. 141–146.

⁶ Распоряжение № 361-рп от 16.11.2016 г. «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского Статута Международного уголовного суда». – URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/41387> (дата обращения 01.03.2022).

бывшим президентом Судана О. Аль-Баширом. МУС обвинил ЮАР в нарушении обязательств по сотрудничеству в поимке обвиняемых¹. Выход Бурунди связан с началом прокурорского расследования преступлений против человечности, совершенных представителями этого государства и группировки «Imbonerakure»².

На рассмотрении МУС в общей сложности находилось 31 дело, в некоторых случаях с участием нескольких обвиняемых. На скамье подсудимых даже находился действующий президент Кении У. Кеньята³. Судьи выдали 37 ордеров на арест, в результате 21 подозреваемых были задержаны, 12 человек находятся в розыске, обвинения в отношении трех были сняты по причине их смерти⁴. Всего МУС вынес 10 обвинительных и 4 оправдательных приговора. Первый обвинительный приговор был вынесен в отношении лидера «Патриотических сил освобождения Конго» Т. Лубанги за совершение военных преступлений, в частности в вербовке детей в ряды вооруженной группировки. Судебное разбирательство длилось 6 лет. Все это время Т. Лубанга прибывал в следственном изоляторе. Данный срок был засчитан ему в 14-летний приговор⁵. Среди оправданных лиц можно назвать Нгуджоло Чуи и Жана-Пьера Бемба Гомбо⁶. Сроки рассмотрения дел тоже становятся поводом для критики. Среди прочих проблем следует упомянуть отсутствие у МУС собственной полиции, которая занималась бы поиском, задержанием и передачей обвиняемых.

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на всю критику, подписание Римского Статута стало огромным шагом для человечества к «справедливому миропорядку»⁷. Среди проблем Международного уголовного суда можно отметить длительность разбирательства и отсутствие механизма принудительной передачи подозреваемого суду. К плюсам МУС относится возможность привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении самых тяжких преступлений, угрожающих международному миру и безопасности человечества, вне зависимости от их должностного положения, а также право прокурора инициировать расследование *proprio motu*.

¹ О. Аль-Башир посетил ЮАР, однако не был там задержан. Власти ЮАР ссылались на его иммунитет главы государства от уголовного преследования. Однако сам Статут не допускает ссылки на должностное положение как основание освобождения от ответственности (ст. 27 Римского Статута) // South Africa and Rome Statute. – URL : <https://www.pgaction.org/ilhr/rome-statute/south-africa.html> (дата обращения 01.03.2022).

² Situation in the Republic of Burundi. – URL : <https://www.icc-cpi.int/burundi> (date of the application 01.03.2022).

³ Prosecutor v. U. Kenyatta, ICC. – URL : <https://www.icc-cpi.int/kenya/kenyatta> (date of the application 01.05.2022).

⁴ Situations and cases. – URL : <https://www.icc-cpi.int/cases> (date of the application 01.03.2022).

⁵ Lubanga Case. – URL : <https://www.icc-cpi.int/drc/lubanga> (date of the application 01.03.2022).

⁶ Bemba Case, Chui Case. – URL : https://www.icc-cpi.int/cases?cases_fulltext=bemba (date of the application 01.03.2022).

⁷ Богуш Г.И. Международный уголовный суд и проблемы становления международного уголовного правосудия / Г.И. Богуш; Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. – М. : Европейская Комиссия, 2008. – С. 14.

Князькина А.К.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Преступления против правосудия в международном уголовном праве предусмотрены целым рядом документов. Так, в ст. 9 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.¹, ст. 5 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 г.², ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.³ и ряде других актов предусмотрена преступность такого деяния, как произвольный арест или содержание под стражей.

Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.⁴ (ст. 23) и Конвенцией ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.⁵ (ст. 25) запрещается такое преступление, как воспрепятствование осуществлению правосудия.

Но наиболее обширный перечень преступлений против правосудия содержится в ст. 70 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.⁶:

- 1) дача ложных показаний после принятия обязательства давать правдивые показания;
- 2) представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств;
- 3) противоправное оказание воздействия на свидетеля, создание помех или препятствий присутствию свидетеля или даче им показаний,

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 23.03.2022).

² Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 г. – URL : https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения 23.03.2022).

³ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. – URL : <https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/pactpol.shtml> (дата обращения 23.03.2022).

⁴ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. – URL : <https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/orgcrime.shtml> (дата обращения 23.03.2022).

⁵ Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения 23.03.2022).

⁶ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. – URL : [https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/pdf/romestatute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/pdf/romestatute(r).pdf) (дата обращения 23.03.2022).

воздействие на свидетеля в качестве возмездия за дачу им показаний или уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору;

4) создание препятствий, запугивание или противоправное воздействие на должностное лицо Суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом его обязанности;

5) оказание воздействия на должностное лицо Суда в качестве возмездия за то, что это или иное должностное лицо выполняло свои обязанности;

б) вымогательство или получение взятки в качестве должностного лица Суда в связи со своими официальными обязанностями.

Рассмотрим последовательно каждое из названных преступлений. Но для начала оговоримся, что на национальном уровне *правосудие* представляет собой особый вид деятельности государственных органов по рассмотрению и разрешению различных категорий дел (административных, гражданских, уголовных и т.д.)¹. В сфере международного уголовного права правосудие следует понимать как деятельность различных международных судов и трибуналов по рассмотрению и разрешению дел в отношении преступлений, для рассмотрения которых и создавался данный орган.

Следовательно, *видовым объектом* преступлений против правосудия в международном уголовном праве необходимо признать общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения нормальной деятельности по осуществлению правосудия международными судебными органами (независимо от их статуса и наименования) в ходе рассмотрения и разрешения ими дел, входящих в их юрисдикцию².

1. Произвольный арест или содержание под стражей. *Дополнительными непосредственными объектами* данного преступления будут выступать личная свобода, честь и достоинство, права и законные интересы личности.

Объективная сторона данного состава в самом общем виде предусмотрена ст. 9 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. Более подробно она раскрывается в ст. 5 Конвенции СЕ о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 г. и ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., где характеризуются общие условия правомерности лишения свободы, к которым относятся:

1) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

2) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с

¹ Банников И.А. Понятие правосудия / И.А. Банников // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2017. – № 1. – С. 137.

² Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / Под ред. В.П. Коныхина и М.Л. Прохоровой. – М. : «КОНТРАКТ», 2015. – С. 739.

целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

3) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

4) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

5) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

б) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

При этом каждому арестованному незамедлительно должны сообщаться на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

Ещё детальнее правила законного ареста и задержания рассмотрены в Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то ни было форме, от 09 декабря 1988 г.¹

Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20 декабря 2006 г.² определяет *насильственные исчезновения* как арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона, что представляет собой особую форму совершения рассматриваемого преступления.

Состав является *формальным*, преступление будет окончено с момента незаконного ареста или задержания.

¹ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то ни было форме, от 09 декабря 1988 г. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml (дата обращения 24.03.2022).

² Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20 декабря 2006 г. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml (дата обращения 24.03.2022). РФ не подписала и не ратифицировала данную конвенцию.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом.

Субъект преступления будет специальным – лицо от имени или с согласия государства производящее незаконный арест или задержание.

Статья 301 УК РФ¹, предусматривающая ответственность за заведомо незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, полностью совпадает с формулировками ст. 335 Модельного УК², что не противоречит положениям международных актов, участницей которых выступает Россия. Что касается отсутствия в УК РФ нормы о насильственных исчезновениях, то поскольку положения соответствующей Конвенции не являются юридически обязательными для нашего государства, нет и формальной необходимости включения соответствующих положений в УК РФ.

2. Воспрепятствование осуществлению правосудия. *Потерпевшими* от данного преступления могут выступать лица, дающие показания в ходе производства по делу, а также должностные лица судебных или правоохранительных органов. В то же время международные акты не исключают возможности расширения круга потерпевших за счёт включения других категорий публичных должностных лиц.

Объективная сторона воспрепятствования идентично сформулирована в ст. 23 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. и ст. 25 Конвенцией ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. и характеризуется совершением хотя бы одного из следующих альтернативных действий:

1) применение физической силы, угроз или запугивания или обещание, предложение или предоставление неправомерного преимущества с целью склонения к даче ложных показаний или вмешательства в процесс дачи показаний или представления доказательств в ходе производства по делу;

2) применение физической силы, угроз или запугивания с целью вмешательства в выполнение должностных обязанностей должностным лицом судебных или правоохранительных органов в ходе производства по делу.

Существенным нюансом выступает особая сфера применения норм о воспрепятствовании – согласно Конвенциям, устанавливается преступность такого лишь в связи с совершением преступлений, охватываемых данными договорами.

О воспрепятствовании осуществлению правосудия также идёт речь в ст. 70 Римского статута, которое понимается как создание препятствий, запугивание или противоправное воздействие на должностное лицо Суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022 г.) // «Собрание законодательства РФ». 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

² Модельный Уголовный кодекс: Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения 24.03.2022).

ненадлежащим образом его обязанности, а также как оказание воздействия на должностное лицо Суда в качестве возмездия за то, что это или иное должностное лицо выполняло свои обязанности. Очевидно, что объективная сторона воспрепятствования, представленная в Статуте, значительно шире, чем в Конвенциях.

Как первая, так и вторая формы воспрепятствования, предусмотренные Конвенциями, образуют *формальные* составы преступлений, которые будут окончены с момента совершения хотя бы одного из названных действий.

В Конвенциях особо подчёркивается, что *субъективная сторона* характеризуется только умышленной формой вины, причём умысел может быть только прямым. Для рассматриваемого преступления также характерна *специальная цель*. При совершении деяния в первой форме таковой выступает цель склонить к даче ложных показаний или вмешаться в процесс дачи показаний или представления доказательств в ходе производства. Если речь идёт об оказании воздействия на должностных лиц судебных или правоохранительных органов, то целью является вмешательство в выполнение ими должностных обязанностей в ходе производства по делу.

Субъект преступления в Конвенциях специально не обозначен, из чего можно сделать вывод для данного преступления он будет общим.

В УК РФ предусмотрен целый ряд норм, посвящённых различным аспектам вмешательства в осуществление правосудия. Так, ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» полностью соответствует ст. 324 Модельного УК. В ст. 295 УК РФ предусмотрена ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, а равно их близких, а в ст. 296 УК РФ – за угрозу убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, а равно их близких. В ст. 302 УК РФ принуждение к даче показаний понимается точно так же, как и в ст. 332 Модельного УК, но в то же время в УК РФ расширен круг субъектов преступления за счёт указания на иных лиц, осуществляющих преступное деяние с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание. Статья 309 УК РФ «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу» абсолютно идентична ст. 331 Модельного УК.

Таким образом, можно сделать вывод, что УК РФ в полной мере соответствует международно-правовым нормам, детализируя и уточняя положения рассмотренных Конвенций и не ограничиваясь лишь узкой сферой их применения, а распространяя положения о воспрепятствовании осуществлению правосудия на все преступления.

3. Дача ложных показаний после принятия обязательства давать правдивые показания. *Дополнительным непосредственным объектом*

данного преступления могут выступать права и законные интересы лиц, которым может быть причинен вред в результате заведомо ложных показаний.

Объективная сторона характеризуется дачей ложных, т.е. не соответствующих действительности показаний, как это определено в п. «а» ч. 1 ст. 70 Римского статута. Существенным признаком рассматриваемого состава является принятие свидетелем обязательства давать правдивые показания в соответствии с Правилами процедуры и доказывания, которые являются приложением к Статуту.

Состав преступления является *формальным*, и он будет окончен с момента дачи ложных показаний.

С субъективной стороны преступление совершается с прямым умыслом, о чем свидетельствует указание на обязанность лица давать правдивые показания, т.е. лицо было предупреждено о необходимости давать правдивые показания

Субъект преступления специальный – лицо, обязанное давать правдивые показания при рассмотрении конкретного дела.

В ст. 307 УК РФ установлена ответственность за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод. Данная норма полностью соответствует международным нормам, в том числе ст. 329 Модельного УК.

4. Представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств. *Дополнительным непосредственным объектом* могут выступать права и законные интересы лиц, которым может быть причинен вред в результате представления заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств. Как представляется, в качестве доказательств здесь имеются в виду все их виды, за исключением свидетельских показаний, поскольку они охватываются предыдущим составом.

Объективную сторону, согласно в п. «b» ч. 1 ст. 70 Римского статута, образует представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств, т.е. предъявление их в ходе расследования или рассмотрения дела.

Состав преступления *формальный*, окончен с момента представления заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, о чём свидетельствует указание на заведомость предоставления ложных или сфальсифицированных доказательств.

Субъектом преступления является лицо, представляющее заведомо ложные или сфальсифицированные доказательства.

В российском уголовном законодательстве также, как и в ст. 329 Модельного УК, содержатся признаки рассматриваемого преступления – в ст. 307 УК РФ установлена ответственность за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод.

5. Противоправное оказание воздействия на свидетеля, создание помех или препятствий присутствию свидетеля или даче им показаний,

воздействие на свидетеля в качестве возмездия за дачу им показаний или уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору. *Дополнительный непосредственный объект* данного состава будет зависеть от формы его совершения. Им могут выступать жизнь, здоровье, личная свобода лица, отношения собственности. *Потерпевшим* выступает свидетель, дающий показания.

Объективная сторона, как это определено п. «с» ч. 1 ст. 70 Римского статута, характеризуется альтернативным совершением одного из следующих действий:

1) противоправное оказание воздействия на свидетеля, которое может осуществляться в любой форме;

2) создание помех или препятствий присутствию свидетеля – осуществление различных мер, исключающих возможность присутствия свидетеля в ходе расследования и рассмотрения дела;

3) создание помех или препятствий свидетелю для дачи им показаний – сходное с предыдущим по форме осуществления деяние, направленное на недопущение дачи свидетелем показаний;

4) воздействие на свидетеля в качестве возмездия за дачу им показаний, по существу, представляет собой совершение любых действий, вплоть до применения насилия;

5) уничтожение доказательств – совершение действий, в результате которых доказательство прекращает своё существование либо утрачивает свойство выступать доказательством;

6) фальсификация доказательств, которую следует рассматривать как физическую или интеллектуальную подделку документов, различные формы искажения информации и т.д.;

7) препятствие сбору доказательств, т.е. различные способы недопущения совершения действий, направленных на собирание доказательств.

Состав рассматриваемого преступления является *формальным*, оно будет окончено с момента совершения хотя бы одного из перечисленных действий. В то же время, когда речь идёт об уничтожении доказательств, состав становится *материальным*.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, причём умысел преимущественно будет прямым. В то же время в рассматриваемом составе присутствует ряд факультативных признаков субъективной стороны. Так, противоправное оказание воздействия на свидетеля (первое из перечисленных деяний), хотя это прямо не указано в норме, но вытекает из анализа её содержания, имеет *целью* не допустить дачу им правдивых показаний. Такое же воздействие может оказываться на него в качестве возмездия за дачу им показаний, что представляет собой особого рода *мотив* совершения преступления. В целом же все перечисленные действия, образующие рассматриваемый состав, имеют своей *целью* не допустить рассмотрение и разрешение дела должным образом и установить истинные факты и обстоятельства.

Субъект преступления специально не указан, потому представляется, что это может быть любое лицо, заинтересованное в неправильном рассмотрении и разрешении дела.

В российском уголовном законодательстве, как и в Модельном УК, предусмотрен ряд норм, в которых содержатся признаки рассматриваемого преступления. Так, ст. 329 Модельного УК, которая в целом посвящена лже-свидетельству, в качестве его квалифицирующего признака предусматривает соединение с искусственным созданием доказательств обвинения, а в ст. 336 предусмотрена преступность фальсификации доказательств.

Кроме того, в ст. 331 предусмотрена преступность подкупа или принуждения к даче ложных показаний, ложному заключению либо к неправильному переводу, а в ст. 332 – принуждения, осуществляемого лицом, производящим предварительное следствие или осуществляющим правосудие.

В ст. 302 УК РФ установлена ответственность за принуждение к даче показаний, ст. 309 УК РФ – за подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу, а в ст. 303 – за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности.

В то же время в УК РФ отсутствуют специальные нормы, предусматривающие преступность создания помех или препятствий присутствию свидетеля или дачи им показаний, а также уничтожения доказательств и препятствия их сбору. По существу, часть действий, образующих данные формы совершения рассматриваемого преступления, включаются в более общую формулировку «воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования». Остальные же способы воздействия можно квалифицировать по общим нормам о преступлениях против личности, против собственности и др.

6. Вымогательство или получение взятки в качестве должностного лица Суда в связи со своими официальными обязанностями. *Дополнительным непосредственным объектом* данного преступления могут выступать права и законные интересы лиц, которым может быть причинен вред в результате вынесения неправильного приговора, обусловленного получением выгоды материального или иного характера.

Объективная сторона, согласно п. «f» ч. 1 ст. 70 Римского статута, состоит в вымогательстве взятки либо в её получении.

Вымогательство взятки представляет собой требование дать взятку должностному лицу Суда.

Получение взятки выражается в ее фактическом принятии должностным лицом Суда, причем конкретные формы такого получения могут быть весьма разнообразны – взятка может даваться в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера либо иных имущественных прав.

Состав преступления является *формальным*, оно будет окончено с момента, соответственно, предъявления требования дать взятку или фактического принятия взятки.

С субъективной стороны деяние совершается с прямым умыслом. Цель хотя специально и не указана – вмешательство в процесс рассмотрения дела Судом.

Субъект преступления специальный – должностное лицо Суда, в официальные обязанности которого входит проведения расследований и осуществления судопроизводства.

В ст. 290, 2912 УК РФ предусмотрены общие нормы о получении взятки. Поскольку субъекты этих преступлений определены в законе довольно широко, можно сделать вывод, что российское уголовное законодательство в данном аспекте соответствует положениям Римского статута Международного уголовного суда.

*Козлов Д.В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону*

НОВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО НОВОГО МИРОПОРЯДКА

24 февраля 2022 года знаменует собой окончание старой эпохи и начало новой. К ней готовились все ведущие мировые державы на протяжении нескольких лет. Готовились к переделу мира. Старый миропорядок не устраивает большинство государств, поэтому его обрушение являлось лишь вопросом времени. Нужен был лишь повод, и он появился.

Происходящие масштабные изменения означают и быструю трансформацию международного права. Это всегда является следствием крупных конфликтов и потрясений.

Традиционно считается, что современное международное право сложилось по итогам Великой отечественной войны и базировалось на ядре, оформленном международными соглашениями на основе ООН. Баланс сил великих держав во время холодной войны, противостояние США и СССР поддерживало тогдашний мировой порядок и определяло международные правила и нормы.

Распад СССР повлек за собой и изменения в международно-правовом регулировании. Был провозглашен новый однополярный мир – Pax Americana. Существовавшие международные правила наполнялись новым содержанием или отменялись. Договоренности некогда заключенные с СССР, отбрасывались в сторону, пользуясь слабостью России.

В результате международное право, посвященное обеспечению безопасности, разоружению и контролю за вооружением подверглось эрозии. США вышли из всех договоров, ограничивающих распространение практически всех видов стратегического вооружения. Американские базы

размещались по всему периметру границ России. НАТО поглотило всю Европу и вторглось на постсоветское пространство.

Нарушение суверенитета государств под предлогом защиты прав человека, обеспечения демократии и гуманитарных интервенций стало общим правилом. Косово (1999 год), Ирак (2003 год). Ливия (2011 год), Сирия (2013 год) – это далеко не полный перечень борьбы с «тираническими режимами, застрявшими в прошлом». При этом действия победителей в холодной войны сопровождалось огромными разрушениями, гибелью миллионов лиц и переселением десятков миллионов, погружением в хаос целых регионов.

Все это сопровождалось полнейшей безответственностью лиц, принявших подобные решения, даже в случаях, когда их вина являлась очевидной. Предлогом для вторжения в Ирак являлось разработка оружия массового поражения. Однако оно так и не было найдено. После нескольких лет молчания и отговорок США признали, что ошиблись, но заявили, о необходимости построения демократии в Ираке. Как следствие, их действия были провозглашены западным миром необходимыми и оправданными.

Подобное поведение опиралось на военное, экономическое, технологическое и идеологическое превосходство. Когда в 2010-е годы все вышеперечисленное стало сыпаться, у победителей в холодной войне возникли сразу проблемы. Сложившимся порядком были недовольны многие. Если ты не относишься к демократическому Западу, то твой удел всегда занимать вторые роли.

Оппозицию возглавили Россия и Китай. Не вдаваясь в объяснения операции России на Украине, оценим её последствия, исходя из уже произошедших событий.

1. Закат и уничтожение глобализации. Экономическое преимущество Запада, породившие четыре свободы передвижения – товаров, работ и услуг, рабочей силы и финансов, кануло в лету. Наступает время регионализации. Выделяется сейчас три центра – Россия, Китай и США. Еще несколько держав стараются создать вокруг себя хотя бы региональные кластеры. Речь идет о Великобритании, Западной Европе во главе с Германией и Францией, Иране, Индии, Бразилии. Каждое региональное объединение будет опираться на протекционизм и защиту своего рынка таможенными пошлинами и барьерами, единой валютой и правилами оборота ценных бумаг.

Соответственно, такие структуры как ВТО, МВФ, МБРР и их производные оказываются ненужными и исчезнут в ближайшее время. Такая же судьба постигнет большинство международных арбитражей. Однако самая печальная судьба ждет большинство международных двусторонних договоров в экономической сфере. Соглашение об отмене двойного налогообложения, о защите и поощрении инвестиций, о предоставлении льгот и преференций будут тотально пересматриваться.

Красивые слова о совместном будущем и единой экономике заменяются жесткой и бескомпромиссной борьбой экономических блоков между собой. «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать», - такой девиз взят на вооружение всеми участниками.

2. Рост вооружений, хроническая нестабильность на границах новых блоков и войны в третьих странах. Без современной армии, оснащенной новейшим оружием и, самое главное, готовой воевать за интересы своего государства невозможно сохранить статус великой державы. В ближайшее время боевые действия станут нормой.

Следствием этого станет возрождение норм и обычаев ведения войны, причем в прежних жестких формах. Как прямо заявлено Министерством обороны РФ: «Все иностранные наемники, которые приедут воевать против России на территории Украины, не будут иметь статус комбатанта (военнослужащего). Лучшее что их ждет длительные тюремные сроки». В переводе с дипломатического на русский это означает выбор между тюрьмой и расстрелом на месте.

Серьезность слов Минобороны подтвердил ракетный удар по Яворскому полигону во Львове, уничтоживший порядка двухсот иностранцев и вызывавших бегство еще тысячи. Впервые было публично показано, что статус победителей в холодной войне не является защитой и не дает никаких гарантий. Все определяет жесткая и грубая сила. «Доброе слово и пистолетом можно добиться большего, чем просто добрым словом».

Те, у кого нет способности противостоять чужому давлению, потеряют реальную независимость и суверенитет. Нет, никто их напрямую захватывать не будет, они станут зависимыми или вассальными государствами, протекторатами, подчинёнными территориями. Может быть, появится какое-то другое название, но смысл очевиден. При отсутствии реальных возможностей никакие ссылки на международное право не помогут. Соответственно малые государства, сделавшие неправильный выбор, дорого заплатят за свою ошибку вплоть до полного своего исчезновения с политической карты.

3. Возвращение на первый план индустриально-производственной базы. Сфера услуг и постиндустриальное общество в настоящее время показывают свою несостоятельность. Развитая промышленность, закрывающая большинство потребностей государства, сельское хозяйство, способное прокормить свое население, самодостаточная энергетика – это необходимые условия для обеспечения безопасности государства. Автаркия по большому числу отраслей и способность закупить отсутствующие технологии за рубежом как за валюту, так и при необходимости за имеющиеся ресурсы. Таково было правило времен холодной войны, и оно вновь возвращается.

Индустрия развлечений и обслуживания, индивидуализм и соцсети, финансовые рынки и новые компьютерные технологии – это все лишь надстройка. Если нет реального фундамента в виде старой экономики, все вышеперечисленное разваливается в условиях потери доступа к критично важным ресурсам.

Следует ожидать замедление внимания к экологическому праву, защите окружающей среды и обеспечению интеллектуальной собственности. В то же время будут детально прописываться и регулироваться договоры о поставках природных ресурсов, концессии и соглашения о государственно-частном партнерстве в разных государствах, соглашения о порядке использования определённых технологий.

Международное право откатится назад на реалии начала – первой половины XX века. При этом основная масса соглашений будет носить региональный характер, универсальных договоренностей будет единицы и то, в порядке исключения. Подобное возможно в отношении вновь осваиваемых территорий таких как Антарктида, космос, районы морского дна. Когда появятся технические возможности для их эксплуатации встанет вопрос о соответствующем правовом регулировании. Поскольку международные договоры о данных территориях уже существуют, скорее всего, последуют дополнения к ним.

4. Ренессанс борьбы идеологий. Каждый экономический блок и новый центр силы должен обосновать, почему его выбор правильный и верный. Развитие и экономические модели будут различаться друг от друга, поэтому должны появиться соглашения, описывающие программные цели и задачи каждого из наднациональных образований. Примером выступают существующие западные структуры, где уровень идеологии уже зашкаливает.

Последствием станет пересмотр всей международной отрасли, посвященной правам человека. Западное понимание прав человека особенно в современном понимании остальные государства не примут. Появится разный набор прав человека для каждого из центров силы. Более того практика их использования должна существенно отличаться от положений, закрепленных в документах.

В целом если подвести предварительные итоги нас, ожидает дефрагментация международного права, жесткий приоритет публичных норм над частными, отказ от значительной части привычных правил, выстраивание позиции с помощью силы. Обычная ситуация в эпоху перемен и неопределенности. Потом победители установят новый порядок, стабилизирующий ситуацию, который тоже окажется не вечным. Конца истории не будет. Как говорил Р. Киплинг: «Только когда все умрут, закончится Большая игра».

*Коновалов А.К.,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
ФГБОУ «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ОПАСНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Декларация ООН 2000 г. одной из целей устойчивого развития называет борьбу с ВИЧ и, как следствие, со СПИДом, а также другими опасными заболеваниями (туберкулезом, малярией и т.п.), в том числе передающимися половым путем. В целях международно-правового обеспечения

борьбы с проблемой ВИЧ/СПИД Генеральная Ассамблея ООН принимает Декларацию о приверженности делу борьбы с ВИЧ/СПИДом 2001 г. и Политическую декларацию по ВИЧ/СПИДу 2006 г. Кроме того, в 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Повестку дня¹, в которой поставлена задача ликвидации пандемии СПИД к 2030 году. Россия реализует общемировую цель повышения уровня здоровья населения и борьбы с пандемией СПИДа, в том числе посредством уголовно-правовой охраны здоровья в нормах об ответственности за заражение венерическими болезнями (ст. 121 УК РФ) и ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ), санкции которых с момента введения Уголовного кодекса РФ в действие подверглись многочисленным коррекциям. В то же время характер описания уголовно-правовых запретов фактически не изменился. Если первое преступление (предусмотренное ст. 121 УК РФ) достаточно давно известно отечественному законодателю, то второе (предусмотренное ст. 122 УК РФ) – сравнительно недавно, чуть более 30-ти лет. Объединяют эти преступления инфекционный характер заболеваний и способ совершения – передача инфекции преимущественно половым путем.

Именно так еще в 1974 г. по рекомендации ВОЗ термин «венерические болезни» был заменён на «заболевания, передающиеся половым путем», сокращенное название – ЗППП. Также и перечень социально опасных заболеваний, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 01 декабря 2004 г. № 715², вместо словосочетания «венерические болезни» содержит формулировку «инфекции, передающиеся преимущественно половым путем», под которыми, согласно международному классификатору болезней (МКБ-10), предусматриваются следующие инфекции: сифилис и его различные формы, гонококковая инфекция, хламидийная лимфогранулема, паховая гранулема, шанкроид, трихомониаз и др.³

Ранее в группу ИППП входил и вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), но затем он стал занимать отдельное место в МКБ, поскольку данный вирус становится причиной развития многих (помимо венерических) патологий, хотя и передается он преимущественно половым путем.

Таким образом, список болезней не является исчерпывающим и в случае выявления нового опасного заболевания, передающегося половым путем, подлежит расширению, что с учетом бланкетного характера описания рассматриваемых норм соответствующим образом повлияет и на уголовную ответственность.

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25.09.2015 г. – URL : <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения 24.03.2022).

² Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: Постановление Правительства РФ от 01 декабря 2004 года № 715 // СПС «КонсультантПлюс». – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi> (дата обращения 23.03.2022).

³ Коды МКБ: А 50 – А 64 // Веб-сайт КлассИнформ – URL : <https://classinform.ru/mkb-10/a50-a64.html> (дата обращения 23.03.2022).

Среди многочисленных международных договоров и актов международных организаций на первом месте в сфере международного сотрудничества по противодействию опасным инфекционным заболеваниям выступают Международные медико-санитарные правила (ММСП), обновленные в 2005 году, и принятое в РФ постановление об их реализации¹.

В соответствии с ММСП существует порядок действия страны по уведомлению ВОЗ о вспышке опасного или необычного заболевания, распространение которого может иметь международное значение для общественного здравоохранения. Так, Россия в соответствии с указанным алгоритмом уведомила ВОЗ о первом в мире случае заболевания человека новым подтипом (H5N8) птичьего гриппа, что вызывало опасения мирового сообщества. Благодаря оперативным действиям медицинских работников, вирус удалось локализовать и предотвратить распространение, которое могло привести к новой эпидемии².

Появление новых общественных отношений, накопление новых знаний в области медицины (в частности, в венерологии), в отрасли уголовного права, используемые обозначения ВОЗ обуславливают потребность и в применении единой терминологии. В этой связи представляется целесообразным унифицировать название половых инфекционных заболеваний, для чего внести изменения в УК РФ: соответственно венерические болезни именовать либо, согласно рекомендации ВОЗ, «заболеваниями, передающимися половым путем», либо, согласно приведенному Постановлению Правительства РФ от 01 декабря 2004 г., «инфекциями, передающимися преимущественно половым путем». Предпочтительней видится вторая формулировка, в том числе исходя из правил логики и юридической техники, поскольку передача инфекции является первичной по отношению к развившемуся заболеванию от этой инфекции. Стоит отметить, что Федеральным законом от 13 декабря 1994 г. в УК РСФСР 1960 г.³ аналогичная замена была внесена в формулировку запрета: наказывалось заражение не заболеванием СПИД, а только лишь инфицирование потерпевшего вирусом иммунодефицита.

В рамках реализации права людей на здоровье актуальными представляются общепризнанные принципы международного права сотрудничества и добросовестного исполнения принятых на себя обязательств по международному праву. Например, принцип сотрудничества, закрепленный в Уставе ООН и других международных актах подкрепляет обязанность всех стран в совместном противодействии эпидемическим угрозам.

¹ О реализации Международных медико-санитарных правил 2005 года: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 11.05.2007 № 27 // СПС «КонсультантПлюс». – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi> (дата обращения 23.03.2022).

² В России выявили первые случаи заражения птичьим гриппом H5N8 // РИА Новости. – URL : <https://ria.ru/20210220/gripp-1598337479.html> (дата обращения 23.03.2022).

³ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения 23.03.2022).

Инфекционные заболевания, представляющие опасность для окружающих, могут выступать оружием массового поражения – так называемым биологическим оружием. Биологическое оружие – это патогенные микроорганизмы или их споры, вирусы, бактериальные токсины, возбуждающие инфекционные заболевания, принимающие вид эпидемий, а также средства их доставки (ракеты, управляемые снаряды, боеприпасы, авиация, зараженные люди, животные, птицы, насекомые и др.). Следует заметить, что одна из особенностей этих микроорганизмов заключается в том, что они могут иметь скрытый инкубационный период¹.

Осознавая особую актуальность и всеобщую опасность при проведении исследований с микробиологическими агентами и токсинами, ВОЗ в 2004 г. приняла информационный документ: «Практическое руководство по биологической безопасности в лабораторных условиях»², которое содержит рекомендации для всех работников микробиологических лабораторий. В России такие правила установлены Федеральным законом № 52-ФЗ от 30 марта 1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и санитарными правилами, несоблюдение которых может влечь уголовную ответственность (ст. 248 УК РФ).

Для реализации уголовно-правовой политики в сфере противодействия инфекционным болезням необходимо также использовать положения о сотрудничестве стран на международном уровне в разработке противинфекционных вакцин, которые содержатся в п. 1 ст. 10 Конвенции «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении»³.

Роль уголовного закона в поддержании национальной политики противодействия инфекционным заболеваниям выражается в формулировании ряда запретов в сфере биоинженерии и разработке биологического оружия. Одни из них содержатся в гл. 26 УК РФ в составах о нарушении правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ст. 248 УК РФ); другие – в нормах гл. 34 УК РФ о запрещении разработки, производства, накопления, приобретения или сбыта оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ) и применения такого оружия (ч. 2 ст. 356 УК РФ). Размещением названных преступлений в разных главах законодатель акцентирует внимание на их направленности против той или иной группы общественных отношений, подчеркивая неравнозначный характер общественной опасности таких деяний, что подтверждает суровость санкций норм, предусмотренных за преступления против мира и безопасности человечества.

¹ Кувырченкова Т.В. Угрозы миру и международной безопасности, связанные с применением биологического оружия / Т.В. Кувырченкова // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Право». – 2016. – № 3. – С. 148.

² Практическое руководство по биологической безопасности в лабораторных условиях. – 3-е издание. – Женева : ВОЗ, 2004. – 128 с.

³ Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (16 декабря 1971 года). – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi> (дата обращения 23.03.2022).

Присутствие названных норм в гл. 26 и, тем более, в гл. 34 УК РФ в свете последних событий приобретает особую значимость. В ходе военной операции, проводимой с 24 февраля 2022 г. Российской Федерацией на Украине, выявлены биологические лаборатории, в которых обнаружены документы, подтверждающие работу с особо опасными патогенами вирусов и микробов: возбудителей чумы, сибирской язвы, туляремии, холеры и других смертельных болезней. Кроме того, исследовались и способы доставки вирусов, вызывающих опасные заболевания, посредством использования насекомых и птиц, прежде всего, мигрирующих в территориальных пределах России. Подобные лаборатории, как известно, расположены не только в Украине, но и других государствах, граничащих с Российской Федерацией: в Грузии, Казахстане, Армении. Подобная геолокация и ставшие известными факты о сборе, в частности, ДНК лиц славянского происхождения позволяют говорить о такой разновидности как этническое оружие. Данные обстоятельства позволяют не только утверждать о нарушении норм международного права, но и предполагать, что нормы гл. 34 УК РФ, в ближайшей перспективе помимо превентивной функции в полной мере могут стать и реально применяемыми (в первую очередь, в данном контексте речь идет о нормах, предусмотренных ст. 355 и ч. 2 ст. 356 УК РФ).

Кудрявцева Л.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного частного
и предпринимательского права,
ФГБОУ «Кубанского государственного
аграрного университета имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар

Бубненко Р.Р.,
руководитель волонтерской организации
«Новое Поколение», г. Краснодар

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современное международное право сформировалось на гребне подъема демократических сил, которые развились во время Второй мировой войны в борьбе с фашизмом¹. Его основа была заложена в Уставе ООН. За последние десятилетия в законодательстве произошли фундаментальные изменения, и сейчас оно существенно отличается от законодательства, существовавшего во времена Лиги Наций. Появились новые отрасли: космическое, ядерное, информационное право; экологическое право; целый пласт международно-правовых норм в целях уменьшения военной конфронтации

¹ Ежегодный прогноз / Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; Отв. ред. Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. – М. : ИМЭМО РАН, 2021. – С. 172.

государств: по разоружению, мерам укрепления доверия, запрещению производства и применения химического и бактериологического оружия, нераспространению ядерного оружия.

Система международного права – это распределение норм международного права и отдельных международно-правовых установок, не имеющих нормативной базы, по институтам, отраслям и под отраслями с учетом их взаимосвязи, что определяет целостность международного права. Его основными элементами являются отрасли, институты и нормы. Система международного права основана на объективных критериях, и во второй половине XX века начинается заметное разделение отраслей. Этот процесс продолжается и в настоящее время, поскольку круг вопросов, которые становятся предметом межгосударственного сотрудничества, расширяется.

Многие зарубежные и российские авторы часто используют термин «международное публичное право». Этот термин был закреплен в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о прогрессивном развитии международного права и его кодификации от 11 декабря 1946 года. В Уставе ООН используется термин «международное право» (статья 13). Положение о Комиссии международного права предусматривает, что она занимается вопросами международного публичного права.

01 июля 2020 г. россияне большинством голосов поддержали внесение более 200 поправок в Конституцию страны. Поправки касаются самых разных сфер деятельности, но одна из них с самого начала казалась спорной – якобы поправки отменяют приоритет международного права над российским законодательством.

В новой редакции Конституции Российской Федерации главы 1, 2 и 9 которой не были изменены, из-за сложности процедуры внесения изменений и так называемой «жесткости» этих глав¹. Пункт 4 статьи 15, гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются неотъемлемой частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора».

Принимая это во внимание, невозможно говорить о существовании верховенства российского права над международным правом в целом, но есть верховенство Конституции РФ. В тоже время, вполне допустимо говорить о приоритете реализации норм международных договоров, подписанных и ратифицированных Россией, по отношению к нормам международного права, российская правовая система (если между ними есть расхождение).

Тот факт, что в повседневной жизни это обычно понимается как приоритет или даже превосходство российского права над международным

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – URL : <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020

правом, следует из неправильного толкования пункта 5.1.б статьи 125 (в новую редакцию которой внесены изменения).

Таким образом, вступила в силу новая редакция пункта 5.1 статьи 125. Наделяет Конституционный Суд России следующими полномочиями: «в порядке, установленном федеральным конституционным законом, принимает решение о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основе положений международных договоров Российской Федерации, в их толковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного суда, иностранного или международного арбитражного суда (арбитража), налагает обязательства на Российскую Федерацию, если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

В этой связи правильнее сказать, что конституционные поправки лишь усилили акцент на необходимости соблюдения требований Конституции Российской Федерации, хотя приоритет международного права сохраняется (но не всего международного права, а только той части его нормативного содержания, которая подписана и ратифицирован Россией, что не противоречит Конституции Российской Федерации¹).

Какая сейчас ситуация с международным правом в РФ? Какие есть перспективы международного развития?

24 февраля 2022 года, в ответ на обращение лидеров Донбасса президент России Владимир Владимирович Путин принял решения провести специальную военную операцию. Позднее Украина обратилась к России в МИД ООН и обратилась к Международному суду Организации Объединенных Наций. Владимир Путин сообщил, что решил провести специальную операцию по Донбассу. В соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций и в соответствии с ратифицированными Федеральным собранием договорами дружбы и взаимных помостей с ЛНР и ДНР.

Это решение было сложное, но оно было обоснованным из-за ряда неоднократных нарушениями НАТО международных соглашений. Одним из таких соглашения является основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора². Начиная анализировать данный документ, с принципов мы можем сказать о нарушении данного договора. В пункте 1, первый абзац гласит: Основываясь на принципе неделимости безопасности всех государств Евроатлантического сообщества, Россия и НАТО будут совместно способствовать созданию общей и всеобъемлющей безопасности в Европе, основанной на приверженности общим

¹ Устинова Н.В. Геополитика : учеб. пособие / Н.В. Устинова; М-во образования и науки Росс. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 90.

² Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора (Подписан в г. Париже 27.05.1997) // Бюллетень международных договоров. – 1997. – № 11. – С. 35–43.

ценностям, обязательствам и нормам поведения в интересах всех государств. Анализируя ситуацию тяжело сказать о том, что данный принцип выполнялся.

Также в этом документе говорится: «В нынешних и прогнозируемых условиях безопасности Североатлантический союз будет выполнять свои задачи по коллективной обороне и другие задачи путем обеспечения необходимой совместимости, интеграции и укрепления возможностей, а не путем дополнительного постоянного развертывания значительных боевых сил. Соответственно, он будет опираться на адекватную инфраструктуру, соизмеримую с вышеупомянутыми задачами. В этом контексте, при необходимости, усиление может произойти в случае защиты от угрозы агрессии и миротворческих операций в соответствии с Уставом ООН и руководящими принципами ОБСЕ, а также для учений в соответствии с адаптированным ОБСЕ, положениями Венского документа 1994 года и взаимно согласованными мерами прозрачности».

Какие именно могут быть последствия? В этом вопросе идет активная, иногда весьма эмоциональная дискуссия. Круг участников споров растет стремительно. Некоторые говорят о том, что мир вернулся к холодной войне, и западу нужно довести свои планы до логического конца. Другие же считают, что это новый этап развития Российской Федерации на международной арене.

Так или иначе, ситуация на самом деле крайне сложна. Пожалуй, это первое серьезное испытание для самых крупных мировых держав после окончания Холодной войны. Данный Украинский кризис довольно сложно оценить сейчас, но мы можем говорить о некоторых вещах, которые сейчас очевидны:

1. Ряд стран разорвали дипломатические отношения с Россией и прекратили какое-либо сотрудничество. Данное решение они приняли в связи с осуждением действий РФ на Украине.

23 марта 2022 года Польша заморозила счета посольства РФ в Варшаве. Этот шаг является прямым нарушением Венской конвенции о дипломатических сношениях, принятой 18 апреля 1961 года и Ратифицированной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1964 года № 2208-VI, в частности статьи 3 и пункта 2 статьи 22, которые не разрешают создавать ненормальные условия для деятельности диппредставительств. А также запрещают нанесение ущерба и притеснения послов¹.

2. Введен достаточно большой пакет санкций против РФ. На данный момент Россия занимает первое место в мире по количеству санкций. Применение санкционных мер стало основным оружием запада с 2014 года.

3. Уход с российского рынка ряда производств и торговых марок, разрыв международного сотрудничества.

На фоне таких событий предложены следующие изменения в российском праве:

¹ Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Ведомости ВС СССР. 29 апреля 1964 г. № 18. Ст. 221.

1. Развитие более тесных международных отношений с союзниками и партнерами РФ. Уже можно сказать о сближении с Беларусью и Китаем. С КНР уже заключены дополнительные соглашения, что позволит стабилизировать экономику и баланс на биржах. Также необходимо дополнить «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии», в котором необходимо прописать более тесное сотрудничество двух стран.

2. В связи с обострившейся ситуацией на рынке, законодатель выступил с инициативой в поддержке российского бизнеса. Так, Постановление Правительства от 18.03.2022 № 398¹ вносит льготы для юридических лиц и ИП при приеме безработных граждан на работу. Две субсидии будут предоставлены компаниям, которые перестраивают технологические процессы из-за санкций. Если компания нанимает сотрудников на неполный рабочий день, она будет получать помощь в размере одной минимальной заработной платы в месяц на человека. Во-вторых, будет предоставлена субсидия на переподготовку кадров. Компания сможет потратить до 60 тысяч рублей на подготовку каждого сотрудника к работе в новых условиях за счет государства.

3. Государство выбрало курс укрепления внутреннего рынка труда, а также поддержку бизнеса разной направленности и масштаб. Власти ввели мораторий на плановые неналоговые проверки для всех организаций и индивидуальных предпринимателей. До 31 декабря 2022 года в отношении закрытого перечня объектов контроля из Постановления Правительства № 336 от 10.03.2022 года будут проводиться плановые проверки Роспотребнадзора, МЧС, Ростехнадзора и Россельхознадзора. Мера вступает в силу с 01 января 2022 года – для субъектов малого и среднего предпринимательства (Постановление Правительства № 1520 от 08.09.2021 г.², пункт 1 статьи 5 ФЗ № 46-ФЗ от 08.03.2022 г.³). А с 10 марта 2022 года – для организаций и индивидуальных предпринимателей, не относящихся к МСБ (Постановление Правительства № 336 от 10.03.2022). Кроме того, плановые проверки аккредитованных организаций, работающих в сфере информационных технологий, не будут проводиться до 31 декабря 2024 года. Норма действует с 08 марта 2022 года (пункт 2 статьи 5 Закона от 08.03.2022 № 46-ФЗ).

¹ Постановление Правительства РФ от 18.03.2022 № 398 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 13 марта 2021 г. № 362» // «Собрание законодательства РФ», 28.03.2022. № 13. Ст. 2067.

² Постановление Правительства РФ от 08.09.2021 № 1520. «Об особенностях проведения в 2022 году плановых контрольных (надзорных) мероприятий, плановых проверок в отношении субъектов малого предпринимательства и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 13.09.2021. № 37. Ст. 6540.

³ Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ (ред. от 28.05.2022) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 14.03.2022. № 11. Ст. 1596.

Данный кризис наглядно продемонстрировал хрупкость и ненадежность существующих институтов евроатлантической безопасности. К сожалению, сегодня в Европе нет ни одного соглашения о контроле над обычными вооружениями и вооруженными силами. Планы по модернизации ОБСЕ остаются только планами, а Совет Россия-НАТО даже в свои лучшие времена функционировал как преимущественно технический орган.

Между тем проблемы безопасности на нашем континенте не могут быть решены сами по себе или в формате телефонных разговоров лидеров. Необходимо серьезно заняться укреплением взаимной безопасности в евроатлантическом регионе. Сотрудничество в этой области должно основываться на принципах неделимой и равной безопасности. Это должно включать переход от устаревшей концепции взаимного гарантированного уничтожения к отношениям, основанным на взаимопонимании и взаимной гарантированной безопасности.

Недавно была разработана новая стратегия развития. По словам Главы государства, этот проект относится к категории документов стратегического планирования. Министерство иностранных дел России учло последние изменения, происходящие здесь, в мире, в том числе значительные изменения, произошедшие в международной политике за последние пять лет.

По состоянию на 23 марта 2022 года в международных отношениях происходят следующие изменения:

1. Сергей Лавров письменно уведомил Генерального секретаря Совета Европы о выходе России из организации. Выход из совета Европы означает автоматический выход из всех соглашений.

Это означает, что России необходимо отказаться, например, от Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ), которая вместе с уставом Совета Европы будет денонсирована.

Но это не освобождает страну от ее обязательств по ЕСПЧ в отношении любых действий, которые могли бы быть нарушением таких обязательств и могли быть совершены ею до даты вступления в силу денонсации. Теряется право обращения в Европейский суд по правам человека. Европейский суд сохраняет свои полномочия в отношении всех жалоб, которые были поданы до освобождения, и в отношении всех событий, которые произошли до освобождения. Это статья 58 Конвенции.

Будет возможность снять мораторий на смертную казнь. В Уголовном кодексе Российской Федерации смертная казнь фигурирует как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления против жизни¹. Но в 1997 году Россия подписала Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека, благодаря которому в стране вступил в силу мораторий на применение смертной казни. Хотя Россия еще не ратифицировала этот протокол.

¹ Здоровье человека, населения – как приоритетные объекты уголовно-правовой охраны / Л.В. Кудрявцева, С.П. Ставило // Здоровье населения – основа процветания России // Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Филиал РГСУ в г. Анапе. – 2015.

2. Китай и Евразийский экономический союз (ЕЭК), в который входит Россия, задумываются о создании независимой международной валютно-финансовой системы, пишет Sputnik Казахстан. Для этого страны решили ввести единую международную валюту. Такое решение было принято по итогам видеоконференции, посвященной сотрудничеству между ЕЭК и Китаем. Стоимость новой валюты будет рассчитываться как индекс национальных валют стран-участниц и цен на сырьевые товары.

История международных кризисов учит нас, что наихудший способ реагирования на кризис – это свернуть налаженные контакты, заморозить привычные связи и отказаться от диалога. Напротив, именно в кризисных ситуациях диалог важнее, чем в любых других обстоятельствах. Напомним, что один из самых опасных кризисов холодной войны – Карибский кризис 1962 года - привел к резкой активизации советско-американского сотрудничества по ядерным вопросам, что в конечном итоге привело к созданию современного режима контроля над ядерными вооружениями.

Эта ситуация прежде всего должна вернуть страны к диалогу, должен быть учет мнения не только своих «заинтересованных партнёров», но и мнения остальных. Вероятнее всего, как ситуация примет стабильный характер мы сможем увидеть глобальные изменения в международной документации, которая годами требовала доработок и обновлений.

*Мигачева А.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права,
ФГОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар*

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Представительство относится к традиционным частноправовым институтам, известным со времен римского частного права. В Древнем Риме представительство допускалось в очень узком круге отношений, о основном, связанных с необходимостью установления социальной защиты определенных слоев населения. Например, римскому праву было известно представительство лиц со слабыми умственными способностями, которые «формально имели все права, однако осуществление их должно было происходить лишь с согласия своих попечителей»¹. Кроме того, представительство допускалось «при приобретении владения, а вместе с тем и права, находящегося от него в зависимости, например, при traditio как способе приобретения права собственности»². По свидетельству И.Б. Новицкого некоторые

¹ Римское частное право : учебник / Под ред. Р.А. Курбанова. – М. : Проспект, 2015. – С. 123.

² Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права : в VIII т. – М. : Плевако, 1874. – Т. I. – С. 145.

сферы гражданского оборота вообще не допускали представительства¹. В древнеримском обществе такое положение связывалось с существующими социально-экономическими отношениями, превалированием натурального хозяйства и зачаточным состоянием меновых отношений. Число заключаемых сделок было незначительным и не требовало больших затрат времени и особых знаний. Кроме того, на ранних этапах развития римского государства территория была невелика, поэтому личное совершение сделок не обременяло главу семейства.

Таким образом, изначально в римском обществе отсутствовал запрос на представительские отношения.

Потребность в представительстве появлялась с расширением границ Римского государства, развитием торговых отношений и ослабление начал формализма при совершении сделок. Развитие гражданского оборота сопровождалось и совершенствованием правил о представительстве. Как отмечает Е.Л. Невзгодина «институт представительства достаточно сложно «пробивал» себе дорогу в жизнь»². В настоящее время институт представительства востребован во многих трансграничных отношениях, особенно в международной торговле. В связи с этим логично, что мировое сообщество предпринимает попытки сближения правовых систем, в частности, путем унификации, которая представляет собой «процесс образования идентичных, то есть унифицированных) норм в правовых системах различных государств, и ее важнейшим следствием является снятие так называемой коллизионной проблемы»³.

Следует сразу отметить, что унифицированное регулирование в области международного коммерческого представительства достаточно скудно. Хотя начала унификации были положены еще в 1936 г. Именно в этот период УНИДРУА начал заниматься разработкой унифицированных норм о представительстве в международном коммерческом обороте. В апреле 1961 г. Институтом были опубликованы два проекта Конвенций о представительстве в международном коммерческом обороте: проект Конвенции о единообразном законе о представительстве в частноправовых отношениях международного характера и проект Конвенции о единообразном законе о договорах комиссии при международной купле-продаже товаров.

В основу данных Конвенций была заложена идея о разграничении прямого и косвенного представительства.

Одобренный в 1960 г. проект Единообразного закона о представительстве весьма интересен, т. к. не ограничивался добровольным представительством, а включал практически все случаи трансграничного представительства. Как отмечается в научной литературе, «положения, содержащиеся в указанных проектах, так и не получили воплощения в международном договоре, поскольку в гораздо большей степени отражали регулирование,

¹ Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права: учебник. – М. : Проспект, 2015. – С. 136.

² Невзгодина Е.Л. Очерк истории развития института представительства в гражданском праве // Вестник Омского ун-та. – 2008. – № 1. – С. 123.

³ Там же.

свойственное континентальной системе права, нежели системе общего права»¹.

Работа над созданием унифицированного акта продолжилась, и в 1972 г. был опубликован проект Единообразного закона о представительстве международного характера при купле-продаже товаров². Сужение сферы действия Конвенции объяснялось тем, что именно трансграничные договоры купли-продажи чаще других договоров заключались через представителей. В итоге в 1983 г. была разработана Конвенция о представительстве при международной купле-продаже³, однако, она до сих пор не вступила в действие. Несмотря на это, специалисты в области международного частного права высоко оценивают ее значение⁴. Таким образом, можно заключить, что в настоящее время в правовом регулировании трансграничных отношений представительства преобладает национальное коллизионно-правовое регулирование. Разработанные же международно-правовые договоры в данной области не вступили в силу, поскольку ратифицированы незначительным числом государств.

Коллизионно-правовое регулирование представительства в Российской Федерации осуществляется по правилам ст. 1217.1 ГК РФ «Право, подлежащее применению к отношениям представительства».

В п. 1 ст. 1217.1 установлена коллизионная привязка только к договорному представительству. При определении права, применимого к отношениям представительства, в силу ст. 1187 ГК РФ толкование понятия «представительство» должно осуществляться в соответствии с российским правом (ст. 182–189 ГК РФ). Согласно п. 1 ст. 182 ГК РФ под представительством понимается совершение одним лицом (представителем) сделки от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления. Следовательно, ст. 1217.1 применяется к отношениям представительства, основанием возникновения которых являются: доверенность и договоры представительского типа. Данный пункт содержит коллизионную норму, предусматривающую, что отношения между представляемым и представителем определяются по правилам ГК РФ о праве, подлежащем применению к договору, легализовав таким образом применения к представительским отношениям правил ст. 1210–1215 ГК РФ. В соответствии с п. 1 ст. 1210 ГК РФ «сторона

¹ Проблемы унификации международного частного права : монография / Н.В. Власова [и др.]; Отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. – М. : ИЗИСП, Юриспруденция, 2012. – С. 127.

² Convention relating to a Uniform Law on the International Sale of Goods (The Hague, July 01, 1964). – URL : <https://www.unidroit.org/english/conventions/1964ulis/convention-international-sale-goods1964.pdf> (date of the application 19.03.2022).

³ Конвенция о представительстве при международной купле-продаже (Женева, 17 февраля 1983 г.) – URL : <https://miripravo.ru/gallery/lag1-convention1983-on-agency-in-the-international-sale-of-goods.pdf> (дата обращения 01.03.2022).

⁴ Власова Н.В. Добровольное представительство в международном коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – С. 51–52.

при заключении договора или в последующем могут выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору». Таким образом, законодатель в качестве ведущего начала правового регулирования представительских отношений видит именно принцип автономии воли.

Выбор применимого права должен быть прямо выражен или должен определенно вытекать из условий договора, доверенности либо совокупности обстоятельств дела. При этом в науке обсуждается вопрос о том, требуется ли в этом случае установление отдельного прямо выраженного акцепта применимого права со стороны третьего лица?¹ Следует согласиться с А.В. Асосковым в том, что «было бы совершенно непрактичным требовать, чтобы третье лицо прямо выражено соглашалось со сделанным в доверенности выбором применимого права (например, путем проставления своей подписи на тексте доверенности)»². Таким образом, законодатель пошел по пути закрепления конструкции одностороннего выбора статута добровольного представительства, однако, в целях защиты интересов третьих лиц, подкрепил его правилами об обязательном извещении третьего лица и представителя о состоявшемся выборе применимого права.

В ходе реформы 2013 г. в ст. 1210 ГК РФ был включен новый п. 6, который распространяет действие норм подп. 1–3, 5 ст. 1210 ГК РФ на выбор права, подлежащего применению к отношениям, не основанным на договоре. Несмотря на то, что в данной норме буквально речь идет только о соглашениях сторон о выборе права, есть все основания исходить из применимости данной нормы и к выбору статута добровольного представительства, осуществляемому представляемым в доверенности. В частности, будет разумным и эффективным применения правила о том, что выбор применимого права может быть не только прямо выраженным, но и подразумеваемым (см. п. 2 ст. 1210 ГК РФ).

Например, в ситуации, когда доверенность не содержит прямо выраженного условия о применимом праве, однако ограничивает осуществление полномочий представителя территорией только одной страны, очевидно, что применение права этой страны является оптимальным коллизионным решением даже в том случае, когда представитель имеет коммерческое предприятие или место жительства в другой стране. Обосновать такое решение удобнее всего как раз с помощью конструкции подразумеваемого выбора применимого права (выбор права определенно вытекает из условий доверенности).

Статья 7 Гаагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986 г. признает соглашения о применимом праве, прямо вытекающие «из условий договора и поведения сторон, рассматриваемых в их совокупности». Статья 4 Гаагских принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г., «подтверждая допустимость «молчаливого» выбора, устанавливает, что

¹ Асосков А.В. Коллизионное регулирование отношений добровольного представительства / А.В. Асосков // Вестник гражданского права. – 2014. – № 6. – С. 34.

² Там же. – С. 34.

выбор права либо его изменение могут «ясно следовать из положений договора или обстоятельств»¹.

На допустимость учета судом подразумеваемого выбора права представляемым, если он не осуществил его явным образом в доверенности обращает внимание и Верховный суд РФ в п. 49 Постановления Пленума № 24².

В рамках исследуемой проблематики стоит затронуть и вопрос о форме соглашения о применимом праве. Специальных требований к форме таких соглашений ГК РФ не устанавливает. Вместе с тем определение правового режима формы соглашения о применимом праве имеет значение, в том числе и для последующего признания и реализации такого соглашения. В качестве общего правила можно признать возможность распространить на рассматриваемые соглашения правила о форме сделки. В то же время в науке высказывается позиция, согласно которой соглашение о применимом праве по своей правовой природе нельзя отождествлять со сделкой как юридическим фактом гражданского права, представляющим собой действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Из анализа научной литературы по вопросу о форме соглашения о применимом праве позволяет прийти к выводу о том, что «соглашение о применимом праве образует соглашение особого рода, действительность которого не обусловлена соблюдением каких-либо требований в отношении его формы»³.

В отсутствие выбора подлежащего применению права к договору между представителем и представляемым согласно п. 1 ст. 1211 ГК РФ будет применяться право страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора. Анализ отмеченных положений ГК РФ показывает, что в целом, п. 1 ст. 1217.1 не ввел каких-либо кардинально новых правил по сравнению с ранее действующими. Кроме того, данные положения с некоторыми исключениями соответствуют и международным конвенциям (например, Конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям (Гаага, 14 марта 1978 г.).

Пункт 2 ст. 1217.1 ГК РФ обращен уже к регулированию внешней стороны представительства. Отношения между представляемым или представителем и третьим лицом по общему правилу определяются по праву

¹ Новикова Т.В. Подразумеваемые соглашения о применимом праве: обзор судебной и арбитражной практики / Т.В. Новикова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2019. – № 5. – С. 39–49.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 10.

³ См.: Новикова Т.В. Правовой режим формы соглашения о применимом праве / Т.В. Новикова; Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 5; Современное международное частное право в России и Евросоюзе : монография. – М. : Норма, 2013. – С. 441–442.

страны, которое выбрано представляемым в доверенности, при условии, что третье лицо и представитель были извещены об этом выборе.

Таким образом, факт извещения приобретает существенное значение и является условием приведения принципа автономии воли в действие. В соответствии с разъяснениями, данными в Постановлении Пленума ВС РФ № 24 «указанное условие считается соблюденным, если оговорка о выборе применимого права включена в текст доверенности, которая была вручена представителю, при этом представитель предъявлял доверенность третьему лицу для подтверждения своих полномочий»¹.

ГК РФ напрямую ограничивает выбор применимого права национальными нормами, исходящими от того или иного государства. Следовательно, исключается возможность обращения, представляемого к таким негосударственным регуляторам, как Принципы УНИДРУА, Принципы ЕДП или Модельные правила европейского частного права, где, помимо прочего, содержатся нормы о полномочиях представителя. Равным образом невозможна отсылка в доверенности в качестве применимого права к нормам Женевской конвенции 1983 г.

Таким образом, действующее законодательство содержит развернутые, имеющие множество нюансов применения правила коллизионного регулирования отношений представительства, которые должны быть оценены в будущем с учетом сложившейся правоприменительной практики. Однако уже сейчас следует признать, что законодатель пошел по пути признания концепции автономии воли как доминирующей при определении отношений добровольного представительства.

По итогам можно сделать следующий вывод.

В правовом регулировании трансграничных отношений представительства преобладает национальное коллизионно-правовое регулирование. Вместе с тем, полагаем, что правовое регулирование представительства и доверенности в международном частном праве должно развиваться как в сторону унификации, так и более детальной проработке коллизионных норм российского права. Коллизионно-правовое регулирование представительства в Российской Федерации осуществляется по правилам ст. 1217.1 ГК РФ «Право, подлежащее применению к отношениям представительства», которая, однако, регламентируют исключительно вопросы добровольного представительства. Таким образом, можно наблюдать пробел в регламентации вопросов применимого права к отношениям законного представительства, и, как следствие, некорректность наименования ст. 1217.1 ГК РФ.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 10.

Новикова Т.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
декан факультета подготовки специалистов
для судебной системы (юридический факультет),
доцент кафедры международного права,
СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»,
г. Краснодар

ОБ АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН И НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ КАК НЕОБХОДИМЫХ И ДОСТАТОЧНЫХ ПРИНЦИПАХ КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Настоящая статья посвящена анализу двух объективно необходимых и в совокупности достаточных принципов коллизионно-правового регулирования, а именно: принципа автономии воли и принципа наиболее тесной связи.

В Резолюции Института международного права «Автономия сторон в международных контрактах между частными физическими или юридическими лицами» автономия воли признается не только как один из принципов международного частного права, но и как свобода человека¹. Самостоятельный по отношению к принципу наиболее тесной связи статус принципа автономии воли подтверждается, прежде всего, тем фактом, что стороны частнопроводного отношения с иностранным элементом наделены правом выбрать абсолютно любой правопорядок вне зависимости от наличия какой бы то ни было связи этого правопорядка со сторонами, их отношением и т.д.² В основе такой феноменальной возможности лежит существенно более глубокая идея о том, что выбор сторон во всех случаях предпочтительнее выбора суда. Более того, относительно «неограниченной» автономии воли в Регламенте Рим I³ П. Стоун подчеркивает, что выбор должен признаваться, даже если он был сделан с целью избежать применения императивных норм права той страны, которая наиболее тесно связана с договором и право

¹ См.: The Autonomy of the Parties in International Contracts Between Private Persons or Entities, The Institute of International Law Resolution of 1991 (Session of Basel). – URL : http://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1991_bal_02_en.pdf >lastvisitedon01August 2021

² В порядке разъяснения п. 1 ст. 1210 ГК РФ Пленум Верховного Суда РФ указал: «Стороны ... могут выбрать право страны, которая не имеет связей с договором или его сторонами (выбор нейтрального права)» (п. 32 Постановления) (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. – 17 июля 2019 г. – № 154; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

³ Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the Law applicable to Contractual Obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union. – 2008. – L. 177. – P. 6–16.

которой в отсутствие выбора применялось бы на основании коллизионных норм¹. Далее автор прямо заявляет: «Логическое обоснование свободы выбора несвязанного права состоит в коммерческой пригодности»².

Таким образом, цель принципа автономии воли в механизме коллизионно-правового регулирования выходит далеко за рамки упрощения задачи суда по выбору применимого права. Его существование и вектор развития предопределяются целесообразностью обеспечения максимально предсказуемого и подходящего сторонам правового регулирования, а в конечном итоге – целью стимулирования международного гражданского оборота. Именно этим объясняются столь неординарные возможности сторон частноправового отношения международного характера при решении коллизионного вопроса: депесаж, последующий выбор права, а равно признание не только прямо выраженных, но и подразумеваемых соглашений, вытекающих «из условий договора либо совокупности обстоятельств дела» (п. 1–4 ст. 1210 ГК РФ).

Более того, принцип автономии воли получает конкретизацию в многоуровневой системе согласованных норм международного частного права Российской Федерации, уполномочивающей стороны частноправовых отношений с иностранным элементом избирать применимое материальное право и получившей стремительное феноменальное развитие не только с точки зрения объема предоставленных сторонам возможностей, но и с точки зрения перечня тех правоотношений, в которых сторонам дозволяется избирать применимое право: норм ст. 1210 ГК РФ, охватывающих договорные правоотношения, но также выступающих в качестве генеральных норм об автономии воли (п. 1–3, 5 указанной статьи), применяемых по общему правилу к выбору права для отношений, не основанных договоре, если такой выбор допускается законом; нормы п. 3 ст. 1206 ГК РФ, касающейся вещных прав на движимое имущество, а также для внедоговорных правоотношений – специальной уполномочивающей нормы ст. 1223.1 ГК РФ во взаимосвязи с рядом оговорок (п. 4 ст. 1219, п. 2 ст. 1221, п. 3 ст. 1223, п. 1 ст. 1222, п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ).

Если же стороны не реализовали предоставленное им право выбрать применимый правопорядок или такое право не было им предоставлено, решение коллизионного вопроса ложится на плечи правоприменителя (в первую очередь – суда), который призван определить правопорядок, наиболее тесно связанный с отношением. При этом принцип наиболее тесной связи, который построен на эволюционирующей системе параметров (выявлении наиболее значимой территориальной связи, дополненном учетом весомых материально-правовых факторов), выступает универсальным принципом, лежащим в основе механизма коллизионно-правового регулирования – как на правотворческом уровне, так и на правоприменительном.

На правотворческом уровне принцип наиболее тесной связи конкретизируется во всех формулируемых законодателем коллизионных нормах.

¹ См.: Peter Stone, *EU Private International Law*. – 2nd ed. (Elgar European Law – Edward Elgar, 2010) at 301.

² *Ibid.*

Показательным является то, что в случае востребованности анализируемого принципа для конструирования коллизионной нормы на законодательном уровне могут использоваться его наработки в качестве средства коллизионно-правового регулирования тех же отношений на уровне правоприменительном. В частности, п. 2 раздела VIII Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации указал в качестве первой цели, достижение которой преследовали «предлагаемые дополнения и изменения», на «расширение круга отношений, прямо регулируемых новыми коллизионными нормами, с исключением необходимости определения применимого права на базе общего резервного критерия «тесной связи»¹.

Изложенное положение – одно из подтверждений единства содержания принципа наиболее тесной связи при его реализации на законодательном и правоприменительном уровнях. О необходимости конкретизации принципа наиболее тесной связи в коллизионной норме, установленной законом, свидетельствует обращение к данному принципу как средству коллизионно-правового регулирования (общей резервной коллизионной привязке по смыслу п. 2 ст. 1186 ГК РФ), при этом для разработки новой коллизионной нормы, отражающей принцип наиболее тесной связи, будут использоваться его же наработки в качестве средства коллизионно-правового регулирования по выявлению связи, наиболее значимой для соответствующего отношения. Мы считаем, что описанный процесс конкретизации принципа наиболее тесной связи в устанавливаемых законодателем новых коллизионных нормах составляет отличную иллюстрацию движения права, в данном случае – коллизионного, от меньшей определенности к большей его определенности.

Как указывает В.В. Ершов, «развитие права характеризуется непрерывным движением от его неопределенности к большей определенности»².

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11. Данная установка и ее реализация в появившихся в разделе VI ГК РФ новых коллизионных нормах получили широкое освещение в специальной литературе (См., напр. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – М.: Статут, 2016. – Режим доступа: СПС «Гарант» (гл. 2); Гришаев С.П. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. – Специально для СПС «Гарант», 2018 (комментарий к ст. 1186 ГК РФ); Зыкин И.С. О совершенствовании раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса Российской Федерации / И.С. Зыкин; Под ред. В.В. Витрянского, Е.А. Суханова // Основные проблемы частного права: сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского. – М.: Статут, 2010. СПС «КонсультантПлюс»).

² Ершов В.В. Определенность права // Российское правосудие. – 2017. – № 1. – С. 24; Ершов В.В. «Принцип правовой определенности» или правовая категория «определенность права»? // Российское правосудие. – 2016. – Специальный выпуск. – С. 99. См. также: Ершов В.В. Неопределенность и определенность права как парные категории // Российское правосудие. – 2018. – № 9. – С. 11–12.

На этом основании и в свете результатов представляемого исследования предлагаем дополнить выделенные с позиций интегративного правосопонимания такие виды определенности, как определенность материального и процессуального права, а также «определенность и стабильность результатов правореализационных процессов»¹, определенностью коллизионного права, являющейся особенно необходимой для права в современных условиях глобализации.

На правоприменительном уровне принцип наиболее тесной связи является средством коллизионно-правового регулирования частноправовых отношений международного характера, применяемым непосредственно для решения коллизионного вопроса, прежде всего, как общая резервная коллизионная привязка по смыслу п. 2 ст. 1186 ГК РФ и в исключительных случаях (для договорных правоотношений, «если из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает», что применение жесткой коллизионной нормы не позволяет реализовать заложенный в нее принцип наиболее тесной связи) как корректирующая оговорка по смыслу п. 9 ст. 1211 ГК РФ.

Важным подтверждением того, что принцип наиболее тесной связи выступает единственным универсальным принципом коллизионно-правового регулирования в отсутствие выбора применимого права сторонами частноправового отношения с иностранным элементом, является его применение в качестве общей резервной коллизионной привязки. Так, п. 1–2 ст. 1186 ГК РФ устанавливают, что если на основании международных договоров РФ, ГК РФ, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации, невозможно определить применимое право, то «применяется право страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано»².

¹ См.: Ершов В.В. Определенность права // Российское правосудие. – 2017. – № 1. – С. 24; Ершов В.В. «Принцип правовой определенности» или правовая категория «определенность права»? // Российское правосудие. – 2016. – Специальный выпуск. – С. 99.

² В этом отношении положения п. 1–2 ст. 1186 ГК РФ вполне согласуются с выводами В.В. Ершова о том, что, во-первых, «право, реализуемое в России, необходимо рассматривать в единой системе форм международного и внутригосударственного права» и, во-вторых, «подсистема российского права образована основополагающими (общими) и отраслевыми принципами права, нормативными правовыми актами, нормативными правовыми договорами и обычаями, содержащими принципы и нормы права, а не только «законодательством». Ершов В.В. Российское право с позиций легизма и интегративного понимания / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2011. – № 10. – С. 21). О необходимости исследовать «международное и внутригосударственное право ... в единой системе форм», а также о спорности и малопродуктивности сведения всего внутригосударственного права «только к «законодательству» см.: Ершов В.В. Конкретизация права / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2014. – № 7. – С. 15; Ершов В.В. Правосудие, правосопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиций легизма и «широкого» понимания права / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2011. – № 12. – С. 15–16; Ершов В.В. Соотношение международного и внутригосударственного права в условиях глобализации / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2011. – № 6. – С. 9–10; Ершов В.В. Тенденции развития права и неправа / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2012. – № 7. – С. 13–14.

Необходимо указать, что коллизионному праву не известна аналогия закона. Мы считаем, что это обоснованное решение, поскольку коллизионные нормы, как правило, охватывают целые группы отношений (например, ст. 1205 ГК РФ – вещные права, ст. 1211 ГК РФ – договорные обязательства, ст. 1219 ГК РФ – деликтные т.д.). Следовательно, если конкретное отношение не входит в определенную группу, можно предположить, что оно обладает существенной спецификой, которая в большинстве случаев не позволит попросту выбрать для него коллизионную норму, регулирующую «сходные» отношения.

Более того, что особенно важно, коллизионному праву не известна и аналогия права – в том ее виде, в каком она используется в гражданском праве, будучи построенной на применении «общих начал и смысла гражданского законодательства», под которыми, прежде всего, понимаются весьма многочисленные «основные начала гражданского законодательства», нашедшие отражение в ст. 1 ГК РФ¹. В этой связи важно указать, что «категория «аналогия права» с позиции интегративного правопонимания представляется с теоретической точки зрения дискуссионной, а с практической – контрпродуктивной, поскольку под «общими началами и смыслом законодательства» в специальной литературе традиционно понимаются принципы права, являющиеся самостоятельными средствами правового регулирования общественных отношений»². Как следствие, «при таком теоретическом подходе пробела в праве нет, пробел в праве является мнимым»³.

Таким образом, «основополагающие (общие) и специальные принципы права, являющиеся самостоятельными средствами правового

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. Это понимание получает широкое признание в специальной литературе. См., например: Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2014. – С. 52 (автор комментария к ст. 6 ГК РФ – А.В. Коновалов); Гражданское право : учебник : в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М. : Проспект, 2018. – Т. 1. СПС «Гарант» (автор § 2 главы 2 – И.В. Иванов); Гришаев С.П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / С.П. Гришаев, Т.В. Богачева, Ю.П. Свит. Часть первая (постатейный). – Специально для СПС «Гарант», 2019 (автор комментариев к ст. 1, 6 ГК РФ – С.П. Гришаев).

² Ершов В.В. Пробелы в национальном и международном праве с позиций юридического позитивизма, синтезированного и интегративного правопонимания / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2017. – № 2. – С. 43–44.

³ Там же. – С. 44. С позиции интегративного правопонимания пробел в праве – это «отсутствие ... принципов и норм права в целом в развивающейся, единой и многоуровневой системе форм внутригосударственного и международного права, реализуемых в государстве» (Там же. – С. 43). См. также: Ершов В.В. Пробелы в праве: правовая природа и способы преодоления / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2016. – № 4. – С. 12; Ершов В.В. Современные теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2016. – № 9. – С. 16. В этой связи отметим, что В.В. Ершовым было высказано предложение «рассмотреть вопрос о необходимости принятия федерального закона «О пробелах в международном и национальном праве, реализуемом в России» (Ершов В.В. Виды индивидуального регулирования общественных отношений // Российское правосудие. – 2013. – № 11. – С. 14).

регулирования ..., применяются непосредственно, а не по «анalogии права»; пробел в праве отсутствует, применяется не некий теоретически и практически неопределенный «аналог права», а его элемент – принцип права»¹. В этой связи В.В. Ершов справедливо подчеркивает: «Принципами права» необходимо руководствоваться непосредственно, а не «по аналогии права»².

Мы стоим на позиции, что механизм коллизионно-правового регулирования в отличие от гражданско-правового составляет успешную иллюстрацию правильного применения принципов. В частности, принцип наиболее тесной связи, в роли общей резервной коллизионной привязки, выступает самостоятельным средством коллизионно-правового регулирования при невозможности решить коллизионный вопрос посредством существующих коллизионных норм, содержащихся в международных договорах РФ, ГК РФ, других законах и обычаях, признаваемых в Российской Федерации. Как следствие, коллизионное право не ведет речь об «анalogии», а предусматривает непосредственное применение принципа наиболее тесной связи на случай отсутствия или непригодности³ коллизионных норм.

Более того, тот факт, что при невозможности решить коллизионный вопрос посредством имеющихся коллизионных норм *единственным* средством коллизионно-правового регулирования является принцип наиболее тесной связи, составляет очевидное подтверждение того, что принцип наиболее тесной связи – *единственный* и универсальный принцип коллизионно-правового регулирования в отсутствие выбора применимого права сторонами.

¹ Ершов В.В. Пробелы в национальном и международном праве с позиций юридического позитивизма, синтезированного и интегративного правопонимания / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2017. – № 2. – С. 44.

² Ершов В.В. Принципы права: актуальные теоретические и практические проблемы / В.В. Ершов // Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI международной научно-практической конференции : в 2-х ч. (Разделы I–IV). – М. : РГУП, 2017. – Ч. 1. – С. 35

³ В специальной литературе подмечается, что по смыслу п. 2 ст. 1186 ГК РФ принцип наиболее тесной связи может оказаться востребованным не только в случаях, когда коллизионная норма отсутствует, но также в тех особенных случаях, когда «правоотношение осложнено несколькими иностранными элементами, имеющими различную государственную принадлежность» (См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / Под ред. Н.И. Марьшиевой, К.Б. Ярошенко. – М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2014. СПС «Гарант» (автор комментария к ст. 1186 ГК РФ – А.Л. Маковский). Тот же тезис см.: Николукин С.В. Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж: учебник. – М. : Юстиция, 2019. – С. 74–75). Например, если по договору возмездного оказания услуг исполнителями выступают одновременно французская и итальянская компания, при этом деление обязательства по этому договору не представляется возможным и перед судом стоит задача определить единый договорный статут, то в свете коллизионной нормы п. 1 и п. 16 п. 2 ст. 1211 ГК РФ, отсылающей к праву страны основного места деятельности исполнителя и наличия сразу двух разнонациональных исполнителей, суду, весьма вероятно, потребуется обращение к принципу наиболее тесной связи.

Причину монополизации анализируемым принципом роли средства коллизивно-правового регулирования мы усматриваем в том, что в ходе становления в дополнение к территориальному ядру он аккумулировал также целый ряд материально-правовых соображений, нацеленных на защиту как общего интереса сторон правоотношения (предпочтительность сохранения действительности сделки), так и разных публичных интересов (защиту слабой стороны). Вероятно, что, если бы принцип наиболее тесной связи остался ограничен исключительно поиском географической локализации правоотношения, эволюция международного частного права, все больше уделяющего внимание материально-правовому результату коллизивного выбора, привела бы к появлению новых самостоятельных принципов и в отсутствие коллизивных норм потребовалось бы обращение к совокупности этих принципов. Однако принцип наиболее тесной связи в современном широком смысле подразумевает выявление наиболее значимой территориальной связи, дополненное учетом весомых материально-правовых факторов, что позволяет ему, в отсутствие выбора права сторонами, оставаться единственным принципом коллизивно-правового регулирования в международном частном праве.

Таким образом, мы предлагаем признать два принципа, составляющие объективно необходимые, теоретически обоснованные и в совокупности достаточные средства коллизивно-правового регулирования: принцип автономии воли, который постулирует неоспоримое право сторон частнопровового отношения международного характера, в определенных случаях и в строго очерченных пределах, на выбор применимого материального права, и принцип наиболее тесной связи, базирующийся на территориальной локализации с учетом весомых материально-правовых соображений и получающий реализацию в правотворчестве при разработке коллизивных норм, а в правоприменении при невозможности решить коллизивный вопрос на основе существующих норм как общая резервная коллизивная привязка и в исключительных случаях (при несоответствии результата применения коллизивной нормы заложенному в нее принципу наиболее тесной связи) как корректирующая оговорка.

*Раджабов С.А.,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры права,
Таджикский государственный педагогический
университет имени С. Айни,
г. Душанбе, Таджикистан*

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПОСЛА В ТРАКТАТЕ «ДАСТУР АЛ-МУЛУК» ХАДЖИ САМАНДАРА ТЕРМИЗИ

Одно из направлений исследования истории международного права является изучение вопросов возникновения и развития дипломатии, вклад

народов в развитие дипломатии, как важного инструмента продвижения внешней политики государств. В этом контексте таджикский народ и его дипломатия является неотделимой частью тех малых и великих государств, которые сменяли друг друга на этой территории в течение многих столетий.

Таджикский народ гордится своим прошлым, своей историей и опирается на традиции своих предков. К месту будет сказано, что таджикская дипломатия имеет свою древнюю историю и поучительные традиции, и сегодня в государственной политике и системе государственного строительства учитывается опыт предков. Государственная независимость дала возможность Республике Таджикистан осуществлять свою внешнюю политику с учетом своих национальных приоритетов и интересов. Вот почему в годы независимости все больше привлекает внимание ученых и исследователей изучение истории таджикской дипломатии.

Тридцать лет самостоятельного и независимого развития Республики Таджикистан в сфере дипломатических отношений с зарубежными странами, показало нам необходимость расширения своих знаний в области истории таджикской дипломатии, развития и укрепления отношений таджикского государства с внешним миром, исследования и овладения дипломатических методов и обычаев наших предков для усовершенствования теоретической базы наших дипломатических отношений¹.

Одним из таких важных источников изучения истории таджикской дипломатии является трактат Ходжа Самандара Термизи «Дастур ал-мулук» (Назидание государям)², который написан в 1695–1696 гг. Автор данного сочинения родился в населенном пункте Ханака, расположенный к югу от г. Душанбе. Он жил в XVII веке, точные даты жизни автора пока не установлены. Современник мыслителя Мухаммед Бади' ибн Мухаммед Шариф Самарканди Малехо пишет о нем, что «он странствовал по городам востока и запада, испытал горячее и холодное от времени, испил сладкое и горькое от судьбы»³.

Сам автор «Дастур ал-мулук» говорит, что это сочинение состоит из двадцати одной главы, каждая из которых посвящена отдельной теме в управлении государством. Глава первая – о справедливости, глава вторая – о храбрости, глава третья – о проявлении заботы в отношении государевых слуг, глава четвертая – об оберегании царских слуг, глава пятая – о проявлении кротости, глава шестая – об отправке посла, глава седьмая – о том, что не следует верить словам врага, глава восьмая – о том, что [следует] советоваться с людьми знающими и проникательными, глава девятая – о том, что [не следует] гордиться милостью государей, глава десятая – об умных

¹ Зоирова П. «Дастур ал-мулук» – путеводитель при назначении послов / П. Зоирова // Трибуна правоведа. – 2015. – № 11(26). – С. 6.

² Дастур ал-мулук (Назидание государям) / Ходжа Самандар Термези; факсимиле старейшей рукописи перевод с персидского, предисловие, примечания и указатели М.А. Салахетдиновой. – М. : Наука, 1971. – 397 с.

³ Мухаммед Бади' ибн Мухаммед Шариф Самарканди Малехо. Музакир ал-асхаб. Рукопись ИВ Уз ССР. – Л. 331а.

везирах, глава одиннадцатая – о том, что следует говорить, взвешивая [слова], глава двенадцатая – о том, что [следует] сторониться низких людей, глава тринадцатая – о вреде зависти, глава четырнадцатая – о последствиях проявления терпения и покорности, глава пятнадцатая – об уповании на бога, глава шестнадцатая – о совете стариков молодым, глава семнадцатая – о последствиях путешествия, глава восемнадцатая – об отказе от путешествия, глава девятнадцатая – о немощи в старости, глава двадцатая – о непостоянстве мира, глава двадцать первая – о событиях, которые произошли после того, как забрезжил рассвет эпохи правления и полновластия [Субхан-Кули-хана] и подул зефир власти и могущества [его]¹.

Как видно из содержания трактата, автор посвятил шестую главу своего произведения деятельности послов, и эта глава называется «О том, что следует поручить посольскую миссию мудрому послу». В ней Х.С. Термизи, который имел достаточный опыт ведения посольской деятельности, высказал свои мысли о личности, задачах, функциях и роли посла.

Следует отметить, что во времена Х.С. Термизи посол назначался временно и выполнял отдельные поручения своего правителя, такие как доставка послания или же, в отдельных случаях, подарков царю другого государства, ведение переговоров и обсуждение различных вопросов с той стороной, сбор информации о стране пребывания и т.д.²

В «Дастур ал Мулук» писатель описывает основные качества, которыми должен овладеть посол. Он писал данное произведение, опираясь на свой богатый опыт посла-переговорщика. Будучи причастным к посольской деятельности, он участвовал в решении некоторых задач внешней политики. Он был осведомлен в вопросах внутренней и внешней политики Джанидов. Так, Х.С. Термизи участвовал в походах двух Джанидов: Абд ал-Азиз-хана (1645–1680) и Субхан-Кули-хана (1680–1702). Так, он принял участие в походе Абд ал-Азиз-хана против хорезмийцев, вторгшихся в Бухару. Он был участником трех походов Субхан-Кули-хана на Балх в 1685, в 1693 и в 1695 гг. Наконец, известно также, что Ходжа Самандар дважды был уполномочен Субхан-Кули-ханом вести переговоры с мятежным правителем Самарканда Ходжа-Кули³.

Освещая правила подбора и назначения послов, автор трактата предлагает выдвигать на эту должность опытных и искусных в этих делах людей, как например он говорит: «Послу надлежит быть знающим, смелым, искусным в речи. О чем бы у него ни спросили, он сумел бы ответить так, чтобы было правильно. Выразился бы так, как этого требуют присутствующие в собрании. Много людей, которые одним грубым словом столкнули

¹ Дастур ал-мулук (Назидание государям) / Ходжа Самандар Термези. – С. 28–29.

² Назриев Д.Х. Об истории и традициях таджикской дипломатии / Д.Х. Назриев; Под общ. ред. Х. Зарифи; Сост. Д. Назриев // Дипломатия Таджикистана: вчера и сегодня : в двух томах. – Душанбе : Ирфон, 2009. – Т. I. – С. 250, 257.

³ См.: Мирзоев А. Новый источник по литературе Ирана сефевидского периода. – М., 1960. – С. 269–275.

целые миры, губили весь народ. Другие приятными словами способствовали дружбе между двумя врагами»¹.

Как видно Х.С. Термизи выдвигает правила и условия подбора лиц на должность посла. Из этих строк нам стало ясно, какими навыками послы должны обладать, и как важна деятельность послов в укреплении дружбы и мира между государствами. Как вытекает из слов Х.С. Термизи, мудрый посол сумеет привести к миру и дружбе двух враждебных государств, а может сделать и наоборот. То есть другие страны судят о нас и о нашем государстве в лице наших послов, и поэтому им следует быть мудрыми, да так чтоб если речь его в начале выражает строгость, она должна быть отрезана ножницами мягкости, если в начале речи он заговорит грозными словами, конец своей речи он должен завершить добрыми словами, приятными выражениями. С учетом того, что на плечах посла лежит огромная ответственность, Ходжа Самандар в разных ситуациях придает его личности, знанию и красноречию особое значение:

«Приятное слово удалило из сердца семя злобы,

Сладкая речь сгладила морщины у бровей противника»².

Наряду с определением круга обязанностей, Х.С. Термизи давал советы о выборе людей для назначения послом. Осознавая важность посольской деятельности, Х.С. Термизи дает своему государю совет кого не надо отправлять в качестве посла. К примеру, мыслитель не рекомендует отправлять в качестве посла людей четырех типов: первый – тот, кто терпел обиду от государей; второй – тот чье имущество и честь унесены ветром гнева царя; третий – тот, кто уволен со своей службы; четвертый – тот, кто думает о своей выгоде во вред государю³.

«Отправлять таких людей с посланием – продолжает мыслитель – представляется далеким от здравого смысла, не подобает носящим украшение опытности, потому что сердце такой категории людей проколото колючкой обиды. По такой причине, когда такой человек сочтет врага преобладающим в силе и могуществе над своим государем, в удобный момент он подумает об измене царю, выявив свою тайную вражду к нему, он поднимет мятеж...»⁴.

Те характерные черты, которыми должен обладать посол, по мнению Х.С. Термизи, некоторые из них сейчас являются основными функциями посла. К примеру, возьмем то, что мыслитель говорить «посол – это язык государя», это очень похожа на представительскую функцию сегодняшних послов, определенной Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года⁵. Поэтому Ходжа Самандар вновь и вновь повторяет, что послу необходимо умело и ловко пользоваться языком, подобным

¹ Дастур ал-мулук (Назидание государям) / Ходжа Самандар Термези. – С. 43.

² Там же. – С. 43.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. статью 3.1a Венской конвенции о дипломатических сношениях, 18 апреля 1961 года. – URL : <https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/diprel.shtml> (дата обращения 24.03.2022).

блестящему мечу, однако так чтобы на поверхности его слов выступали перлы мягкости, были бы явственными признаками приветливости¹.

Как было отмечено выше, для укрепления наших настоящих и будущих отношений с зарубежными странами, мы должны знать, как наши предки относились к деятельности послов и сейчас должны руководствоваться их практикой и советами. И было бы хорошо, если при назначении послов мы бы опирались на такие советы наших предков.

Подводя итог проведенному исследованию, с полной уверенностью можно отнести «Дастур ал-мулук» Ходжа Самандара Термизи к ряду уникальных и актуальных источников праву внешних сношений. Его основополагающие идеи и мысли о требованиях к личности посла, о правильном подходе к назначению послов, об их морально-этических качествах сохраняют свое значение и историческую ценность в наши дни. Исследование этого источника является своевременным и важным вкладом в изучении истории таджикской дипломатии.

*Симатова Е.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой международного права,
СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»,
г. Краснодар*

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

На современном этапе развития общества перед юридической наукой возникает немало сложных вопросов, касающихся перспектив развития нормативного регулирования отдельных частноправовых институтов. Особое место среди таких «проблемных» институтов занимает институт внешнеэкономических (международных коммерческих) сделок.

Несмотря на то, нормативный массив существующих регуляторов, в том числе, на международном уровне, довольно богат, а сам институт сложно назвать малоизученным благодаря многочисленным трудам отечественных и зарубежных ученых, современные тенденции развития общества порождают новые вызовы, а также заставляют пересмотреть устоявшиеся доктринальные тезисы.

Методология международного частного права в течение многих веков адаптировалась к регулированию трансграничных отношений, выработав целый ряд механизмов, которые обладают высокой степенью гибкости и способны эффективно отвечать на вызовы современного социума². Однако активные процессы цифровизации современного общества вызывают

¹ Дастур ал-мулук (Назидание государям) / Ходжа Самандар Термизи. – С. 44.

² Мажорина М.В. Киберпространство и методология международного частного права / М.В. Мажорина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 230–253.

серьезные потрясения в устоявшемся укладе нормативного регулирования договорных правоотношений. Участники этих отношений могут не знать друг друга и никогда не встречаться, их взаимные обязательства могут исполняться и обеспечиваться программным кодом. Правосознание общества в контексте развития цифровых технологий трансформировало представление об участниках общественных отношений и сформировало предпосылки для признания роботов с искусственным интеллектом (киберфизических систем) субъектами таких отношений¹. Сама площадка для возникновения и прекращения отношений, как правило, находится в киберпространстве, не только выходящего за пределы юрисдикции какого-либо государства, но и попросту не имеющего территориальной принадлежности как таковой. Цифровой мир уникален тем, что не ограничен формальными государственными границами, а правоотношения, складывающиеся в виртуальном пространстве, по своей сути являются трансграничными².

Однако при этом в юридической науке возникает крайне важный вопрос: требуется ли специальное правовое регулирование для такого рода правоотношений или достаточно уже существующих механизмов с поправкой на указанную специфику. В частности, наиболее актуальное звучание данный вопрос получает при изучении феномена смарт-контрактов.

Наиболее распространенной точкой зрения, активно поддерживаемой многими специалистами в области международного частного права, является положение о том, что на договорные правоотношения, пусть даже и возникающие в киберпространстве, в полной мере должны распространяться базовые принципы обязательственного права, такие как: принципы исполнения обязательства (надлежащее, реальное исполнение, экономичность исполнения, содействие сторон), принцип добросовестности, недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства, а также, принцип свободы договора³. Так, в частности, Ю.В. Трунцевский и В.В. Севальнев отмечают, что: «существующая система договорного права более чем адекватна для того, чтобы соответствовать даже в этой цифровой форме заключению сделок без необходимости создания новых правовых категорий»⁴.

Сказанное, на наш взгляд, следует распространить и на принципы регулирования международных коммерческих договоров. Не вдаваясь в целом в дискуссию о научном понимании принципов (основных начал) международного частного права, возьмем за основу выделения принципов регулирования именно трансграничных договорных отношений следующие

¹ Laptev V., Fedin V. Legal awareness in a digital society / V. Laptev, V. Fedin // Russian Law Journal. – 2020. – № 8(1). – С. 138–157.

² Кузьменков М.Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав / М.Ю. Кузьменков // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 3(124). – С. 152–159.

³ Чурилов А.Ю. Смарт-контракты и принципы обязательственного права / А.Ю. Чурилов // Legal Concept. – 2021. – № 20(1). – С. 113–117.

⁴ Трунцевский Ю.В. Смарт-контракт: от определения к определенности / Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 118–147.

критерии: по взаимосвязи с основными методами регулирования (коллизийным и материально-правовым) и по взаимосвязи с родственными отраслями права – международным публичным и гражданским (конкретнее – договорным) правом. Вычлняя, таким образом, из всего массива возможных принципов правового регулирования только те из них, которые соответствуют описанным выше критериям, принципами коллизийного регулирования международных коммерческих договоров следует считать принцип автономии воли и принцип наиболее тесной связи¹.

Однако, несмотря на кажущуюся очевидность и логичность применения данных принципов коллизийного регулирования и к договорным правоотношениям, складывающимся в киберпространстве, на практике неизбежно возникнут некоторые вопросы их применения, обусловленные спецификой реализации правоотношений при помощи цифровых технологий.

Так, генеральным принципом выбора применимого права к договорным отношениям, осложненным иностранным элементом, выступает автономия воли сторон. Но при этом возникает вопрос, как перенести условие об избранном сторонами праве на язык программирования и как программа должна отследить выполнения сторонами этого условия.

Большие вопросы вызывает и возможность применения традиционной для договорных отношений коллизийной привязки *lex loci* со всей многовариантностью ее понимания. Так, отмечается, что «эти коллизийные принципы локализуют спорное отношение, привязывая его к какому-либо «месту» – праву того или иного государства, что некоторыми учеными ставится под сомнение в контексте «делокализованного» понимания киберпространства»².

Применение принципа наиболее тесной связи также может вызвать заметные затруднения, что связано, в том числе, и с разными подходами к пониманию самой сущности данного принципа в отечественной и зарубежной доктрине и его неодинакового легального закрепления в законодательстве разных стран³. Связь возникающих правоотношений одновременно с правом нескольких стран по различным критериями, например, доменная связь, торговая связь, связь по оседлости и другим, значительно осложняет понимание вопроса, с каким правопорядком отношение наиболее тесно связано в целом⁴. Отсылочный характер коллизийной нормы может также породить устойчивую тенденцию выбора наиболее предпочтительных

¹ Симатова Е.Л. Принципы коллизийного регулирования международных коммерческих договоров в современном праве / Е.Л. Симатова // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 7(146). – С. 82–85.

² Beall C. The Scientological Defenestration of Choice-of-Law Doctrines for Publication Torts on the Internet / C. Beall // Marshal Journal of Computer & Information Law. – 1997. – Vol. 15. – P. 361–390.

³ Симатова Е.Л. Выражение коллизийного принципа наиболее тесной связи в смарт-контрактах / Е.Л. Симатова // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6(157). – С. 59–61.

⁴ Dashin A.V. Lex Electronica and Lex Infomatica as Sources of Smart Contracts Legal Regulation / A.V. Dashin, E.L. Simatova // Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality. – 2022. – P. 103–108.

юрисдикций, в том числе, и путем молчаливого согласия, например, при помощи присоединения к пользовательским соглашениям платформ блокчейна, уже содержащим оговорку о выборе «дружественного» права¹.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о возможности применения основных принципов коллизионного регулирования: автономии воли и наиболее тесной связи – к тем договорным правоотношениям, которые активно развиваются в киберпространстве. Однако следует учитывать серьезную специфику реализации таких отношений, а, следовательно – предусмотреть механизмы и критерии возможной адаптации рассмотренных принципов правового регулирования, которые, несмотря на всю свою гибкость, не всегда способны приспособиться к реалиям цифровой экономики.

Торонкин С.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права,
государства и судебной власти,
Приволжский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»,
г. Нижний Новгород

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ ПО ВОПРОСАМ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В Российской Федерации почти треть населения, – 42,6 миллионов человек являются пенсионерами, поэтому проблемы пенсионного обеспечения имеют для России особую актуальность. От критиков российской пенсионной системы нередко приходится слышать, что вот, например, в Германии пенсии составляют тысячу евро, а лучшим свидетельством эталонности немецкой пенсионной системы являются путешествующие по всему миру немецкие пенсионеры. Даже до пенсионной реформы 2019 года многие российские пенсионеры были уверены, что незаслуженно обделены государством в пенсионных правах. При этом есть и противоположное мнение о том, что расходы на выплату пенсий необходимо сократить.

Подобные настроения в обществе делают чрезвычайно актуальным вопрос о международных стандартах пенсионных прав. И дело не только в том, что в силу ст. 15 Конституции Российской Федерации², – за принципами и нормами международного права закрепляется приоритет по

¹ Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? / М.В. Мажорина // Lex Russica – 2019. – № 2. – С. 110.

² «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.07.2020).

отношению к национальному законодательству, – строгое соответствие российской пенсионной системы международным стандартам могло бы раз и навсегда поставить точку в споре сторонников и противников пенсионной реформы.

Вот только, однозначное определение международных стандартов пенсионного обеспечения является весьма сложной задачей. Как и все международное право в целом, международные стандарты пенсионного обеспечения имеют довольно размытые контуры. Хотя определенные ориентиры все же существуют, – международные соглашения по вопросам пенсионного обеспечения можно условно разделить на две группы. Первая группа – это соглашения, обеспечивающие транспортабельность пенсионных прав, позволяющие сохранить пенсионные права мигрантам. Российской Федерацией такие международные соглашения заключены как со странами как «ближнего», так и «дальнего» зарубежья.

Вторая группа международных договоров, – это договоры, направленные на установление минимальных стандартов пенсионного обеспечения, которые должны быть реализованы в национальных пенсионных системах. Подобные соглашения существуют как на универсальном уровне, так и в рамках региональных международных организаций.

Современное международное право социального обеспечения начало формироваться после Второй мировой войны при активном участии Международной Организации Труда. основополагающим международным актом, ставшим фундаментом для построения системы международных стандартов социального обеспечения стала Конвенция № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», принятая на Генеральной Конференции Международной Организации Труда в Женеве 04 июня 1952 года (далее по тексту – «Конвенции № 102»)¹. Несмотря на то, что на основе данного соглашения в последующем были принято значительное число иных международных договоров, Конвенция № 102 до сих пор содержит актуальные международные стандарты пенсионного обеспечения. Необходимость ратификации данной конвенции Россией в свое время была предметом пристального научного анализа² и в 2018 году данная конвенция была Россией ратифицирована.

В Конвенции № 102 предусматривается 9 видов социального обеспечения: медицинское обслуживание, обеспечение по болезни, по безработице, в связи с материнством, по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца, семейное обеспечение, обеспечение в связи с несчастным случаем на производстве. При этом государство-участник Конвенции должно гарантировать как минимум три предусмотренных вида

¹ Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения» (Заключена в г. Женеве 28.06.1952) // «Собрание законодательства РФ». 08.06.2020. № 23. Ст. 3589.

² Международные и российские нормы пенсионного обеспечения: сравнительный анализ / Отв. ред. Э.Г. Тучкова, Ю.В. Васильева. – М., 2013. – С. 227.

социального обеспечения. Конвенция при этом использует понятие «пособия», которое включает в себя как выплаты периодического характера (пенсии), так и единовременные выплаты.

Учитывая, что не все виды социального обеспечения по Конвенции соответствуют понятию пенсии, – остановимся лишь на тех пособиях, которые могут рассматриваться как пенсии с точки зрения российского законодательства. Таковыми являются пособия по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца.

В отношении пенсионного обеспечения по старости Конвенция № 102 устанавливает круг лиц, подлежащих пенсионному обеспечению, максимальный пенсионный возраст выхода на пенсию, а также минимальный размер пенсии.

Конвенция № 102 определяет круг лиц, подлежащих пенсионному обеспечению и их процент от общего объема занятого населения.

Возраст выхода на пенсию по Конвенции № 102 не должен превышать 65 лет. Однако компетентному органу власти предоставляется право установить более высокий возрастной предел с учетом работоспособности пожилых лиц в соответствующей стране. В настоящее время средний возраст выхода на пенсию в мире составляет 60–65 лет и редко превышает 65-летний порог.

Следует подчеркнуть, что Конвенция № 102 не предусматривает установление более низкого пенсионного возраста для женщин. Традиция предоставлять женщинам право более раннего выхода на пенсию существует, в основном, в странах бывшего социалистического блока. В странах же западной Европы и Северной Америки пенсионный возраст для мужчин и женщин, как правило, одинаков.

Конвенция № 102 специально оговаривает право государства приостанавливать выдачу пенсий по старости трудящимся лицам либо ограничивать их размер в тех случаях, когда их заработок превышает определенную сумму. Таким образом, практика ограничения выплаты пенсий работающим пенсионерам будет вполне соответствовать Конвенции № 102.

Стандартный уровень пенсионного обеспечения по старости предусматривается на уровне 40 % утраченного заработка лица, выходящего на пенсию. При этом общая сумма пенсионного обеспечения должна быть достаточной для поддержания семьи пенсионера в здоровых и достойных условиях.

Аналогичным образом в Конвенции № 102 определяются требования к пенсионному обеспечению по инвалидности или по случаю потери кормильца.

Механизм контроля за соблюдением конвенции Международной Организацией Труда предполагает регулярное (один раз в пять лет) предоставление всеми государствами-членами конвенции докладов о ходе выполнения обязательств, принятых ими при ратификации конвенции.

Помимо Конвенции № 102, вопросы социального обеспечения нашли отражение и в ряде других нормативных документов Международной

Организации Труда. К основным документам, регулирующим данную сферу отношений помимо Конвенции № 102 относятся Конвенция № 103 «О защите материнства (пересмотренная)» 1952 г., Конвенция № 118 «О равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения» 1962 года, а также Рекомендации МОТ 1944 года («Об обеспечении дохода» и «О медицинском обслуживании»). Последние Рекомендации заложили двухуровневую систему социального обеспечения – систему «минимальных стандартов» для менее развитых в экономическом отношении стран и «более высоких стандартов» для экономически развитых стран.

С 1964 года принимаются новые международные акты, предусматривающие повышение уровня социальной защиты населения за счет расширения сферы охвата, повышения размеров выплат и введения новых видов пособий – Конвенция № 128 «О пособиях по старости, по инвалидности и случаю потери кормильца» 1967 года, Конвенция № 130 «О медицинской помощи и пособиях по болезни» 1969 года, Конвенция № 168 «О занятости и защите от безработицы» 1988 года, Конвенция № 183 «О защите материнства» 2000 года.

Однако, следует отметить, что международные стандарты оценивают уровень пенсионного обеспечения в государстве в целом, детализированная методика оценки стандартов пенсионного обеспечения отсутствует. Проблема состоит в том, что предельно общие требования международных актов сложно сопоставить с разветвленной и имеющей множество исключений из общего правила российской пенсионной системой. При существовании общего правила, у нас существуют множество исключений и особых правовых статусов, дающих право на льготное пенсионное обеспечение. Право на особые пенсии по выслуге лет в России имеют служащие правоохранительных органов, вооруженных сил. Досрочные пенсии по старости также вправе получить широкий круг лиц: учителя, работники культуры, осуществляющие творческую деятельность, – так называемые, работники творческих профессий, жители районов Крайнего севера и приравненных к ним районов, а также иные категории российских граждан. Таким образом, в отсутствии четко установленной методики определения достаточности уровня пенсионного обеспечения, – определить соответствие или несоответствие российской пенсионной системы стандартам МОТ можно лишь с определенными оговорками.

Кроме того, Конвенция № 102 определяет минимальный уровень пенсионного обеспечения, исходя главным образом из утраченного заработка. Закономерно, что если заработок российского гражданина до выхода на пенсию был низким, то даже соответствующая Конвенции пенсия не будет обеспечивать ему достойный уровень жизни. А установленная конвенцией возможность ограничивать пенсионные права для работающих пенсионеров, – поставит пенсионера в ситуацию сложного выбора.

На этом фоне как абсолютный подарок для приезжающих в Россию из других стран пенсионеров выглядят международные соглашения о

транспортабельности пенсий. Такие соглашения основываются на территориальном либо пропорциональном принципе пенсионного обеспечения.

Безусловно, пропорциональный принцип пенсионного обеспечения мигрантов является более справедливым¹, – государство несет обязательства перед пенсионером только за тот период времени, когда он работал на его территории. Конечно, расчет пенсии в этом случае чисто технически имеет большие сложности, нежели при расчете пенсии по территориальному принципу, но, полагаем, современные информационные технологии и способы обмена информации способны обеспечить решение данного вопроса.

Отдельным направлением международной стандартизации пенсионных прав являются толкования данных прав, исходящие от Европейского суда по правам человека. Тема пенсионных прав неоднократно была предметом его рассмотрения, в результате чего судом были сформулированы определенные правовые позиции по данному вопросу:

1. Человек не может быть лишен пенсии, если законно ожидал ее выплаты на основании вступившего в силу решения суда. Отмена в дальнейшем решения суда в порядке надзора не может служить основанием для лишения человека пенсии (решения ЕСПЧ по делам «Праведная против Российской Федерации», «Сухобоков против России», «Засурцев против Российской Федерации», «Рябов против Российской Федерации и 151 другое дело пенсионеров-льготников и другие»).

2. Недопустима просрочка в выплате уже назначенной пенсии (дело «Березкина против Российской Федерации»).

3. Такая мера наказания как лишение пенсии является негуманной и недопустимой (дело «Апостолакис против Греции»).

4. Не допускается пересмотр в сторону уменьшения пенсии в связи с изменением обстоятельств, если лицо длительное время ее получает и привыкло опираться на определенный размер пенсионных начислений (дело «Кьяртан Асмундсон против Исландии»).

5. Не опускается дискриминация в отношении пенсионных прав по этническим, расовым и иным признакам «Муньос Диас против Испании», «Андреева против Латвии».

На основании вышеизложенного, мы приходим к выводу, что на сегодняшний день международное право не закрепляет эффективных механизмов стандартизации пенсионных прав. На международном уровне невозможно отрегулировать такое сложное явление как пенсионная система государства. Роль международного права в этом случае сводится лишь к установлению определенных «красных линий», минимальных стандартов,

¹ См.: Васильева Ю.В. Проблемы интеграции правовой политики стран европейско-азиатского региона в области социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Политология. – 2013. – № 1. – С. 115–120; Алмакаева А.М. Трансграничный перевод пенсионных прав в странах Евразийского экономического сообщества и Европейского союза / А.М. Алмакаева, В.В. Костенко // Экономическая социология. – 2014. – № 4. – С. 53–67.

отступление от которых не допускается. Кроме того, международные соглашения по вопросам транспортабельности пенсионных прав мигрантов служат весомым инструментом внешней, а также миграционной политики государства.

Мы не согласны с позицией отдельных авторов, полагающих, что пенсионное обеспечение как институт исчезнет в обозримом будущем¹. Напротив, процесс глобализации в перспективе будет требовать все большей унификации и транспортабельности пенсионных прав. Сам факт того, что пенсионные права стали предметом международно-правового регулирования, говорит о том, что данная проблема перестала быть сугубо внутренним делом каждого государства. Гуманизм и патернализм современных правовых систем должен обусловить рост пенсионных гарантий как базового права каждого человека.

Шаповал О.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права,
ФГОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЛИНЕЙНОГО ОБЪЕКТА КАК НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Линейные объекты представляют собой самостоятельный объект недвижимого (в некоторых случаях – движимого) имущества, который обеспечивает существование и использование энергетических комплексов, систем транспорта и других стратегически важных отраслей народного хозяйства любого государства.

Как известно, наша страна является одним из крупнейших поставщиков энергоносителей в мире. Подобная деятельность невозможна без развитой инфраструктуры различного рода линейных объектов, которые позволяют передавать самые разнообразные виды энергоносителей, недр, как естественного происхождения, так и производимые российскими поставщиками. Объекты, обеспечивающие коммуникации в современном мире, могут как доставлять необходимые для населения ресурсы, такие как газ, вода, тепло, так и быть частью инфраструктуры города, например, мосты, тоннели, радио, телепередающие башни и другое.

Сложившаяся на сегодняшний момент геополитическая ситуация и введенные против России санкции ставят под угрозу не только функционирование, но и сам факт принадлежности Российской Федерации ее линейных

¹ Назаров В. В 2075-м пенсионной системы не будет. – URL : <http://economytimes.ru/starshiy-ekonomist/v-2075-m-pensionnoy-sistemy-ne-budet> (дата обращения 01.03.2022).

объектов, в частности – газопроводов и нефтепроводов. Заявления, а в некоторых случаях и действия, ряда стран заставляют нас опасаться, что как линейные объекты, так и газохранилища и нефтехранилища могут быть банально захвачены нашими, так называемыми партнерами.

Насущная необходимость закрепить понятие и правовой режим линейных объектов возникла также в связи с существенными изменениями гражданского законодательства, направленными на закрепление принципа единства судьбы земельного участка и объекта недвижимого имущества, на нем находящегося. Отказ от этого принципа произошел в период советской правовой системы, что связано вообще с отказом от частной собственности на землю. Потребность введения подобной конструкции появилась вновь как результат приватизации. Вдруг оказалось, что огромное количество зданий, сооружений и других объектов, находятся на земле, принадлежащей другим собственникам. И, если споры между собственниками различных объектов недвижимости носили частных характер и не касались публичных интересов, то, нахождение на частных земельных участках таких объектов, как водопроводы, газопроводы, линии электропередач, привело к невозможности их нормальной эксплуатации и обслуживания. Разрозненное отраслевое законодательство, регулирующее режим линейных объектов, в свою очередь, породило еще большее количество противоречий и споров.

Проблема недостаточно развитого правового режима подобных объектов становится все более актуальной, как при их создании, регистрации и эксплуатации на территории Российской Федерации, так и на территории сопредельных государств, которые являются как потребителями, так и просто странами-транзитёрами российских энергоносителей.

Сегодняшняя геополитическая ситуация подстегивает необходимость устранения указанных пробелов для формирования универсальной правовой базы, согласующейся с международным и национальными законодательствами стран-партнеров РФ.

В действующем законодательстве отсутствует единое понятие «линейный объект». Определение линейного объекта содержится в целом ряде нормативных актов, как уровня федерального и регионального законодательства, так и подзаконных актах. Сущностной правовой проблемой является, во-первых, отсутствие единого определения линейного объекта в Гражданском кодексе и характеристика его как самостоятельного объекта недвижимости, в также создание федерального законодательного акта, комплексно определяющего все аспекты создания и функционирования линейных объектов, и, во-вторых, упоминание в законодательстве о линейных объектах носит характер перечисления их видов в различных вариациях, без формулирования юридически четкого и корректного, называющего виды и признаки таких линейных объектов, определения. Определение и характеристика линейных объектов содержится в Градостроительном, Земельном, Лесном кодексах, Гражданский кодекс упоминает линейные объекты в рамках правового режима единого недвижимого комплекса, упоминаются линейные объекты в Федеральных законах «О связи», «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую», а также в ряде

подзаконных актов. И в каждом из них дано свое определение понятия линейного объекта. Отсутствие единого унифицированного определения понятия «линейный объект» следует признать слабой стороной законодательства, порождающей целый спектр правовых и технологических проблем.

К данной проблеме неоднократно обращались различные цивилисты. В частности, Мельников Н. пишет: «Понятие линейного объекта затрагивает широкий спектр общественных отношений, поэтому структурно сложный состав объекта неизбежно ставит вопрос о его квалификации и возможности распространения на него различных гражданско-правовых конструкций, в том числе «единый недвижимый комплекс», «сложная вещь» и «главная вещь и принадлежность»¹.

На необходимость совершенствования и унификации законодательства о линейных объектах обращает внимание О.А. Жаркова «можно констатировать, что начатое с 2014 года реформирование земельного законодательства, направленное на упрощение оформления прав на объекты инфраструктуры, несмотря на то, что некоторые введенные в ЗК РФ институты не находят понимания со стороны цивилистов, соответствуют реалиям развития современного общества и в целом могут быть оценены положительно. При этом реформирование земельного законодательства находит адекватное отражение в законодательстве о регистрации недвижимости (например, удачная конструкция части 10 статьи 40 Закона № 218-ФЗ, позволившая реализовать положения главы 5.6 ЗК РФ). Однако о реформировании градостроительного законодательства этого сказать нельзя. Оно, скорее, тормозит процесс создания объектов инфраструктуры из-за многочисленных пробелов, противоречий и неудачных формулировок»².

Следует подчеркнуть, что не только российское законодательство имеет пробел в законодательстве в рамках линейных объектов. Например,

Рассмотрим понятие линейного объекта в различных нормативных актах.

Градостроительный кодекс Российской Федерации дает понятие «красных линий», приравненных к понятию линейного объекта. Они обозначают существующие, планируемые (изменяемые, вновь образуемые) границы территорий общего пользования, границы земельных участков, на которых расположены линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие подобные сооружения³.

В свою очередь Гражданский кодекс Российской Федерации определяет линейный объект как перечисление следующих объектов – железные

¹ Мельников Н. К вопросу о понятии линейного объекта и некоторых особенностях правового режима земельных участков, занятых такими объектами / Н. Мельников // *Хозяйство и право*. – 2017. – № 10(489). – С. 92–103.

² Жаркова О.А. Оформление прав на линейные объекты / О.А. Жаркова // *Гражданское право*. – 2019. – № 2(219). – С. 43–55.

³ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 03.01.2005. № 1 (Ч. 1). Ст. 16.

дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие, как часть единого недвижимого комплекса¹.

Линейные объекты – это линии электропередач, линии связи, дорог, трубопроводов и других линейных объектов, а также сооружений, являющихся неотъемлемой технологической частью указанных объектов. Такое определение дает Лесной кодекс Российской Федерации².

Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» понимает под линейным объектом дороги, линии электропередачи, линии связи, нефте-, газо- и иные трубопроводы, железнодорожные линии и другие подобные сооружения³.

Линейные объекты используются различных отраслях, и несут в своем понятии специфические характеристики. Например, Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» определяет линейно-кабельные сооружения связи – объекты инженерной инфраструктуры, созданные или приспособленные для размещения кабелей связи, и линии связи – линии передачи, физические цепи и линейно-кабельные сооружения связи⁴.

Правовое регулирование «линейные объекты» нашли и в подзаконных актах, примером которых является Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию», в котором линейный объект выступает в качестве вида объекта капитального строительства (трубопроводы, автомобильные и железные дороги, линии электропередачи и др.)⁵.

Следующим документом, содержащим характеристику линейного объекта, является Постановление Правительства РФ от 11.02.2005 г. № 68, которым утверждено Положение об особенностях государственной регистрации права собственности и других вещных прав на линейно-кабельные сооружения связи. Положением определено, что «линейно-кабельные сооружения связи – совокупность разнородных недвижимых вещей, технологически образующих единое целое, соединенных являющимися движимым имуществом физическими цепями (кабелями), имеющих одновременно следующие признаки:

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

² Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 11.12.2006. № 50. Ст. 5278.

³ Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // «Собрание законодательства РФ», 27.12.2004. № 52 (Ч. 1). Ст. 5276.

⁴ Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // «Собрание законодательства РФ». 14.07.2003. № 28. Ст. 2895.

⁵ Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» // «Собрание законодательства РФ». 25.02.2008. № 8. Ст. 744.

- наличие функциональной и технологической взаимосвязанности;
- предназначение их для использования по общему целевому назначению для размещения кабеля связи;
- наличие протяженности (длины)»¹.

Как мы видим из приведенных определений, каждое из них имеет отраслевую специфику линейных объектов, они различаются, как на содержательном, так и на терминологическом уровне. Более того, некоторые из них сводятся к простому перечислению подобного рода объектов. Однако, попробуем вывести основные признаки линейного объекта из рассмотренных понятий.

Во-первых, так как линейный объект продольно вытянут, его длина намного превышает ширину, его основным признаком является фактическая протяженность, которая может быть очень значительной. Именно этот признак, позволяющий отграничивать линейные объекты от других, и обуславливает проблему формирования особого правового режима, поскольку он проходит через множество земельных участков, которыми владеют различные собственники и правообладатели. Порядок установления и дальнейшего использования сервитута, (как частного, так и публичного), который является наиболее удобной и распространенной формой использования чужого земельного участка, требует подробной регламентации и правового закрепления.

Во-вторых, линейный объект представляет собой сооружение. В соответствии с Федеральным законом «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»², сооружением признается результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов. Соответственно, для каждого из этих классов предусматриваются разные требования, разные ограничения, которые они накладывают на возможность или невозможность использовать земельный участок для тех или иных целей.

В-третьих, в ряде нормативных актов линейный объект прямо определяется как объект недвижимого имущества. Это обусловлено тем, что линейные объекты отвечают признакам недвижимого имущества, данным в ст. 130 ГК РФ. Первое – это отнесение его к категории сооружений, которое

¹ Положение об особенностях государственной регистрации права собственности и других вещных прав на линейно-кабельные сооружения связи, утв. постановлением Правительства РФ от 11.02.2005 г. № 68 // СПС ГАРАНТ-Максимум. Арбитражная практика России.

² Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // «Собрание законодательства РФ». 04.01.2010. № 1. Ст. 5.

мы приводили выше; второе – связь с землей; третье – это невозможность перемещения без несоразмерного ущерба назначению. Этот критерий, однако, вызывает дискуссию, поскольку, например, по мнению А.С. Лалетиной, газопроводы нельзя отнести к категории сооружений, поскольку они имеют сборно-разборный характер, что позволяет их свободно перемещать¹.

В-четвертых, линейный объект представляет собой сложную и неделимую вещь.

В-пятых, Линейный объект несет в себе определенное назначение. Распределение происходит в соответствии с условной классификацией: транспортные коммуникации (железные дороги, автомобильные дороги, троллейбусные линии); топливно-энергетические (электрические сети, магистральные газопроводы, нефтепроводы и нефтепродуктопроводы), канализационные и ливневые коллекторы; линии связи; водоводы и водопроводы; газопроводы; коллекторы; каналы, мелиоративные каналы.

В-шестых, при формулирование унифицированного понятия следует обратить внимание на такой объединяющий все линейные объекты признак, как повышенная опасность для окружающих. Безусловно, любое отраслевое законодательство, устанавливая правовой режим линейных объектов дает им характеристику потенциального источника повышенной опасности, устанавливает технические нормы эксплуатации, красные линии, особый режим.

Возможно, решением проблемы отсутствия единого понятия линейного объекта должно было стать введение в гражданский оборот такой категории недвижимости как единый недвижимый комплекс (далее ЕНК).

Под ЕНК понимается совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

Однако приведенное определение дает основание предполагать, что ЕНК – более широкое понятие, которое включает в себя линейные объекты, как отдельные его разновидности. При этом отнесение исследуемых нами объектов к единым недвижимым комплексам, решает только проблему отнесения их к объектам недвижимости, но не дает их универсального определения, в котором так нуждается практика.

¹ Лалетина А.С. Правовой режим газопроводов как объектов предпринимательского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 27 с.; – С. 135–136, 221.

РАЗДЕЛ II
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ
Трибуна молодого ученого

Асилян Л.В.,

*1 курс магистратуры,
СКФ ФГБОУ ВО РГУП,
г. Краснодар*

*Научный руководитель:
Симатова Е.Л.,*

кандидат юридических наук, доцент

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР КАК СПОСОБ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

С каждым годом вопрос регулирования брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом, приобретает большую актуальность из-за увеличения числа браков между лицами, имеющими гражданство разных государств.

Особенно актуальным является вопрос регулирования трансграничных имущественных отношений между супругами, так как имеется несхожесть в правовом регулировании брачно-семейных отношений, обусловленная этническими, религиозными, географическими и другими особенностями в различных странах¹. Наличие иностранного элемента приводит к тому, что одновременно правопорядки нескольких государств могут претендовать на урегулирование соответствующего отношения, что влечет за собой возникновение столкновения правовых систем.

Однако нужно учесть, что не всегда супруги хотят оставить право выбора путей решения возникающих вопросов за государствами, и в этом случае они заключают брачный договор, который придает имущественным отношениям супругов особую специфику.

Статья 40 Семейного кодекса Российской Федерации предоставляет право лицам, вступающим в брак, а также супругам определить порядок регулирования имущественных отношений посредством заключения брачного договора².

¹ Алешина А.В. Условия заключения браков, осложненных иностранным элементом: коллизионно-правовое регулирование в советском и российском законодательстве / А.В. Алешина, В.А. Косовская // Правозащитник. – 2017. – № 1. – С. 9.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. – 27.01.1996. – № 17.

Однако при наличии иностранного элемента обязательно должна быть проверена возможность заключения такого договора и действия его на территории другого государства, так как могут быть такие препятствия, как:

1) возможность регулирования имущественных отношений только посредством законного режима, и соответственно непризнание брачного договора (Румыния, Куба, Аргентина);

2) возможность заключения договора только до регистрации брака, в отличие от России, в которой такая возможность предусмотрена и после заключения брака (Бразилия, Португалия, Колумбия);

3) необходимость соблюдения супругами определенных сроков (Франция);

4) наличие судебного контроля (Бельгия, Греция, Турция).

По общему принципу возможность заключения брачного договора зависит от права, применимого к действующему режиму имущества супругов, то есть режим имущества может быть изменен только в том случае, если законодательство, регулирующее положение данного имущества, это позволяет, что говорит о недействительности любого соглашения, не соблюдающего данное правило.

Согласно статье 161 Семейного кодекса Российской Федерации при заключении брачного договора супруги, не имеющие общего гражданства или совместного места жительства, могут избрать законодательство, подлежащее применению для определения их прав и обязанностей по брачному договору.

Следует отметить, что законодательство не предусматривает ограничений в выборе государства, правом которого будут регулироваться их правоотношения, однако на практике стараются выбрать страну, с которой есть какая-либо связь (например, государство, в котором один из супругов имеет гражданство; один из супругов проживает; один из супругов имеет недвижимое имущество), чтобы впоследствии не было затруднен¹.

Также следует отметить, что, если супруги не воспользовались правом выбора применимого права при заключении договора, они впоследствии могут это сделать, но только в случае, если применяется право российское; в ином случае нужно опираться на то право, которым регулируются их правоотношения.

При заключении брачного договора супруги самостоятельно определяют положения, которыми будут регулироваться их правоотношения, что значительно ограничивает сферу действия права в отличие от законного режима имущества. Договор должен содержать предмет и его ограничения, порядок вступления договора в силу, порядок изменения, расторжения и признания недействительным договора, а также иные условия, которые предусмотрены законодательством в качестве существенных.

Так, при определении режима собственности имущества в брачном договоре супруги выбирают режим, предусмотренный законодательством избранного ими государства, при этом они могут также сочетать несколько

¹ Антокольская М.В. Семейное право : учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма; Инфра-М, 2010. – 432 с.

режимов собственности в отношении всего имущества или его части по своему желанию. Однако если договор заключается в России, но применяться будут иностранные положения, и супругами был выбран режим, который не предусмотрен в нашей стране, могут возникнуть определенные трудности в связи с противоречием данного института российскому законодательству, поэтому закрепление таких институтов и режимов является нежелательным.

Вместе с тем законодательство предусматривает рамки, ограничения, которые обязательно должны быть учтены при заключении брачного договора. Так, брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав; регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей; предусматривать положения, ограничивающие права нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания; содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

Для признания договора действительным, его необходимо утвердить в административных или судебных органах. Если выбранное иностранное право также предусматривает условия, то от их выполнения зависит, будет ли действовать данный договор в данном государстве.

Таким образом, брачный договор является выражением автономии воли супругов, которые самостоятельно устанавливают, правом какого государства они хотели бы регулировать свои имущественные правоотношения. Вместе с тем, брачный договор, осложненный иностранным элементом, не похож на обычный брачный договор между гражданами одной страны, так как в данном случае следует учитывать специфику другого государства, которое предусматривает порядок, возможно, сильно отличающийся от российского. В этом случае для признания его действительным на территории и другого государства (если это в принципе предусмотрено в этом государстве), следует учесть и их особенности и правила.

*Демченко М.В.,
2 курс магистратуры,
СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»,
г. Краснодар*

*Научный руководитель:
Бахновский А.В.,
кандидат юридических наук*

ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВВОДИМЫХ САНКЦИЙ

В настоящее время экономика Российской Федерации испытала активное внешнее давление со стороны стран Запада и Америки, которое по

настоящий день сопровождается вводимыми санкциями. В таких условиях правительством были предприняты меры, направленные в первую очередь на ослабление такого давления. В том числе изменения коснулись и права интеллектуальной собственности.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.03.2022 г. № 299 были внесены изменения в методику определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия, и порядка ее выплаты, утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 18.10.2021 г. № 1767¹.

Изменениями предусмотрено, что в отношении патентообладателей, связанных с иностранными государствами, которые совершают в отношении российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия, размер компенсации составляет 0 % фактической выручки лица, которое воспользовалось правом использования изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя, от производства и реализации товаров, выполнения работ и оказания услуг, для производства, выполнения и оказания которых использованы соответствующие изобретение, полезная модель или промышленный образец.

Указанные положения распространяются, в том числе, на патентообладателей, имеющих гражданства недружественных государств, а также патентообладателей, местом регистрации, местом преимущественного ведения хозяйственной деятельности или местом преимущественного извлечения прибыли, от деятельности которых являются недружественные государства.

На практике это может означать, что российские предприятия могут использовать интеллектуальную собственность, такую как запатентованные изобретения или образцы одежды, без необходимости платить или запрашивать согласие правообладателей. Теперь такие компании не смогут защитить свои патенты и разработки от использования российскими компаниями.

По мнению стран Запада это может фактически легализовать интеллектуальное пиратство в стране. В прошлом году Россия была добавлена правительством США в «список стран приоритетного наблюдения», недостаточно защищающих американскую интеллектуальную собственность. И также характеризовалась большим количеством сложностей для того, чтобы должным образом защищать нематериальные активы.

Приостановление действия прав на интеллектуальную собственность как экономическое оружие в контексте конфликта беспрецедентно, по крайней мере, в последние десятилетия. Исторические примеры относятся ко

¹ Постановление Правительства Российской Федерации «О внесении изменения в пункт 2 методики определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия, и порядка ее выплаты» от 06.03.2022 г. № 299 // «Собрание законодательства РФ». 14.03.2022. № 11. Ст. 1693.

временам Первой мировой войны, когда США ввели «Закон о торговле с врагом». Этот акт конфисковал авторские права и патенты, принадлежащие вражеским странам, в том числе патент на аспирин, известное немецкое изобретение.

После войны торговая марка Aspirin, принадлежащая немецкой фармацевтической компании Bayer, была передана США, Франции, Великобритании и России в рамках военных репараций Германии, согласованных в Версальском договоре.

Согласно мнению, опубликованному в интернет-журнале: The Conversation преподавателями Лондонского и Ноттингемского университетов Энрико Бонадио и Алина Трапова: «вскоре могут быть ограничены другие права на интеллектуальную собственность, принадлежащие западным странам, включая программное обеспечение и товарные знаки. Это может позволить местным предпринимателям присваивать и использовать без разрешения и бесплатно интеллектуальную собственность таких брендов, как, например, McDonald's. Одна российская сеть ресторанов даже недавно подала заявку на местную регистрацию логотипа, очень похожего на знаменитые золотые арки. Санкции также привели к тому, что российский судья отклонил иск о нарушении авторских прав и прав на товарный знак, поданный британской компанией, выпускающей мультсериал «Свинка Пеппа». Андрей Славинский заявил в суде, что на его решение повлияли «недружественные действия Соединенных Штатов Америки и аффилированных с ними иностранных государств»¹.

Действительно, Арбитражный суд Кировской области вынес беспрецедентное решение по делу № А28-11930/2021², отказав в защите интеллектуальных прав на героев мультсериала «Свинка Пеппа» британской Entertainment One на основании того, что она зарегистрирована в стране, наложившей санкции на Российскую Федерацию. Компания с сентября 2021 года требовала возместить ущерб в размере 40 тыс. руб. за использование частным предпринимателем изображений свинки. Суд счел, что компания подала иск «во вредительских целях». Суд отказал в удовлетворении иска, сославшись на Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»³, где перечисляются меры, связанные с валютными операциями.

¹ Бонадио Э., Трапова А. Журнал The Conversation. – URL : <https://theconversation.com/how-russia-is-using-intellectual-property-as-a-war-tactic-179260> (дата обращения 01.04.2022).

² Решение Арбитражного суда Кировской области № А28-11930/2021 от 02.03.2022 года. – URL : https://kvnews.ru/upload/file/A28-11930-2021_20220303_Reshenie.pdf (дата обращения 01.04.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» от 28 февраля 2022 года № 79 (ред. от 31.03.2022 г. № 172) // «Собрание законодательства РФ». 07.03.2022. № 10. Ст. 1465.

Также суд сослался на ст. 10 ГК РФ, где говорится, что не допускается защита гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Суд расценил действия истца как злоупотребление гражданскими правами, ссылаясь на наложение Великобританией санкций на Российскую Федерацию.

Что касается защиты товарных знаков, то на данный момент невозможно точно ответить в каком направлении будет двигаться современная политика и нормотворчество. В настоящее время, стоит понимать, что если иностранная компания уходит из страны или приостанавливает деятельность в России, то это никак не влияет на ее товарные знаки – по своей сути они продолжают охраняться. Также Роспатент отказывает в регистрации обозначениям, которые воспроизводят уже зарегистрированные или слишком похожи на них товарные знаки. Большинство заявок от российских предпринимателей на условные товарные знаки например – «Макдональдс» даже не попадают на экспертизу в связи с неуплатой госпошлины. Также невозможно на данный момент точно сказать, какой курс выберет Роспатент в условиях сложившихся реалий без результатов «экспертизы заявки», которая включает формальную экспертизу и экспертизу обозначения, заявленного в качестве товарного знака (заявленного обозначения). При одобрении первого этапа, проверки соответствующих документов (проводится в течение месяца), происходит проверка, по существу, которая может занять до 12 месяцев. В связи с этим какие-либо выводы будут преждевременны по вопросам о регистрации схожих товарных знаков иностранных компаний.

Приостановление Россией действия патентов и других прав на интеллектуальную собственность, принадлежащих западным компаниям, может нарушить международные договоры, защищающие эти активы на глобальном уровне. Согласно целям создания ВТО, все страны Всемирной торговой организации должны соблюдать эти законы и гарантировать, что иностранные компании могут защищать права интеллектуальной собственности от имитаторов.

Страны, «пострадавшие» от новой практики, имеют право подать в суд ВТО и потребовать введения дополнительных санкций. Однако, как замечается Э. Бонадио, А. Траповой: «Единственный способ, которым Россия могла бы оправдать эту меру, – это полагаться на предоставленное самой ВТО исключения по причинам безопасности. Это право позволяет странам предпринимать любые действия, которые они считают необходимыми для защиты своих основных интересов безопасности в условиях, подобных спецоперации на Украине. Но оно никогда не применялось ни одним государством в контексте вооруженного конфликта и, следовательно, никогда не проверялось судами ВТО»¹. В случае же если Российскую Федерацию исключат из ВТО, как это было предложено, это может изолировать ее от

¹ How Russia is using intellectual property as a war tactic. – URL : <https://theconversation.com/how-russia-is-using-intellectual-property-as-a-war-tactic-179260> (дата обращения 01.04.2022).

глобальных вызовов в области интеллектуальной собственности, так как ни одна страна не сможет привлечь Российскую Федерацию к суду организации, членом которой она больше не является.

Клочков А.В.,

*1 курс магистратуры,
СКФ ФГБОУ ВО РГУП,
г. Краснодар*

Научный руководитель:

Асланян Н.П.,

доктор юридических наук, профессор

«ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ МОРЯ» КАК ВЕХА В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО МОРСКОГО ПРАВА

В современном мире право выступает важнейшим регулятором не только внутригосударственных, но и международных отношений. Международное право (далее – МП) на сегодняшний день является динамично развивающейся отраслью права, участие в которой приобретает значение определяющего цивилизационного фактора. Российская Федерация как полноправный член мирового сообщества активно вовлечена в правовую плоскость межгосударственного взаимодействия, подчеркивая свою значимую роль в глобальных процессах современности.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ¹, общепризнанные принципы и нормы международного права не только являются составной частью ее правовой системы, но и имеют преимущество перед нормами отечественного права. Понятие МП в науке определяется как система международных договорных и обычных норм, создаваемых государствами и другими субъектами МП, направленных на поддержание мира и укрепление международной безопасности, установление и развитие всестороннего международного сотрудничества, которые обеспечиваются обязательным выполнением субъектами МП своих международных обязательств, а, при необходимости, и принуждением, осуществляемым государствами в индивидуальном или коллективном порядке в соответствии с действующими нормами МП².

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.07.2020).

² Богатырев В.В. Международное право : учеб. пособие. – Владимир : ВлГУ, 2016. – С. 11.

На современном этапе развития МП складывается из двух основных составляющих: письменных (договорных) и устных (обычных) норм, являющихся основными источниками МП (ст. 38 Статута Международного Суда ООН)¹. Договоры как письменный источник МП – наиболее универсальный инструмент данного порядка и представляет собой различные по силе и правовому охвату документы. Наиболее значимыми в данном отношении договорами являются международные конвенции. Конвенции регулируют взаимодействие между государствами в различных областях деятельности, среди которых выделяется международное сотрудничество в сфере пользования ресурсами Мирового океана. Международное морское право (далее – ММП) является одной из древнейших отраслей международного права и представляет собой развитую систему норм, определяющих правовой режим морских пространств и регулирующих отношения между государствами, другими участниками правоотношений в связи с их деятельностью по использованию морей, океанов и их ресурсов².

Важнейшей вехой в истории ММП стало принятие Конвенции по морскому праву 1982 г.³, которая по значимости превосходит все аналогичные документы, благодаря чему справедливо заслужила название «Великой хартии моря»⁴. До этого момента международные отношения в части пользования ресурсами Мирового океана регулировались обычаями.

В эпоху Средневековья отдельные страны заявляли претензии на отдельные участки моря, ссылаясь на исторические титулы, папские буллы, концепции контроля и естественного продолжения. В XVII в. возникла концепция «свободы моря», которая в 1702 г. была развита К. Бинкерсгуком, в результате чего возникла конкретная идея ограничения морских владений государства дальностью пушечного выстрела, которую Ф. Галлиами определил как величину, равную 3 морским милям. В течение двух веков правило пушечного выстрела успешно применялось в международных морских отношениях⁵. Основу современного ММП заложили четыре конвенции, принятые на I Конференции ООН в Женеве в 1958 г., однако часть вопросов о пользовании Мировым океаном и его ресурсами не были решены.

Пробелы были восполнены в ходе работы III Конференции по морскому праву (1973–1982 гг.), решившей множество спорных вопросов о правовом режиме континентального шельфа, исключительной экономической

¹ Статут Международного Суда ООН (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Действующее международное право. – Т. 1.

² Международное право : учебник / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. – М. : Омега-Л, 2011. – С. 338.

³ «Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву» (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // «Собрание законодательства РФ», 01.12.1997. № 48. Ст. 5493.

⁴ Международное право : учебник / Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. – М. : Омега-Л, 2011. – С. 340.

⁵ Толстых, В.Л. Международное право : учебник. – М. : Проспект, 2021. – С. 595.

зоны, морского дна, стран-архипелагов, проливов и других пространств¹. В работе конференции приняли участие почти все страны мира, а также международные организации. Итогом конференции стало принятие Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция), которая вступила в силу 16 ноября 1994 г. Для Российской Федерации документ вступил в силу 11 апреля 1997 г. Документ состоит из 17 частей, 320 статей и 9 приложений. Основными понятиями, которые определяются в документе, являются: виды морских пространств, внутренние воды, территориальное море и архипелажные воды, прилежащие зоны, исключительная экономическая зона, континентальный шельф, открытое море, как проливы.

Основными принципами международного морского права, согласно установлениям Конвенции, являются: принцип свободы открытого моря, принцип суверенитета и принцип общего наследия человечества, принцип полного иммунитета военных кораблей от иностранной юрисдикции, принцип защиты и сохранения морской среды, принцип ответственности государств за деятельность в Мировом океане². Конвенция впервые установила предельно допустимую ширину территориального моря в 12 морских миль, а также подтвердила основные положения Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. (ст. 3). Кроме этого, Конвенция существенно расширила перечень свобод открытого моря, включив в него наряду со свободами судоходства, полетов, рыболовства, прокладки кабелей и трубопроводов также свободы возводить искусственные острова, установки и сооружения и проводить морские научные исследования (ст. 60). Конвенция зафиксировала новые нормы, касающиеся проливов, используемых для международного судоходства (часть III), государств-архипелагов (часть IV), исключительной экономической зоны (часть V), государств, не имеющих выхода к морю (ст.69), Международного района морского дна (ст. 77), защиты и сохранения морской среды (ст. 145), урегулирования споров и др.

Значение Конвенции в истории современного международного морского права трудно переоценить, поскольку документ, будучи закономерным итогом многовекового процесса эволюции ММП, разрешил многие противоречия и заложил фундамент для дальнейшего развития соответствующей отрасли международных отношений. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 31 декабря 2020 г. № 75/239 была отмечена важность Конвенции 1982 г., прозвучал очередной призыв к государствам, не являющимся участниками Конвенции, присоединиться к соглашению³. В статье, предваряющей текст Конвенции на сайте ООН, документ называется

¹ Авраменко И.М. Международное морское право : учеб. пособие. – Ростов-н/Д. : Феникс, 2001. – С. 6.

² Аль Али Насер Абдель Рахим. Международное право : учебник. – М. : РУТ (МИИТ), 2020. – С. 238.

³ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 31 декабря 2020 г. № 75/239. – URL : <https://undocs.org> (дата обращения 06.02.2022).

«конституцией океанов»¹. Важнейшим доказательством авторитетности документа является тот факт, что на сегодняшний день Конвенцию подписали 168 государств, из них ратифицировали Конвенцию – 157.

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Федеральным законом РФ от 26 февраля 1997 г. № 30 ФЗ. Во исполнение положений Конвенции в России приняты законы: «О Континентальном шельфе РФ» (1995), «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне РФ» (1998), «Об исключительной экономической зоне РФ». Также положения Конвенции оказали значительное влияние на национальные законы, связанные с внутренним и внешним мореплаванием (КТМ РФ, ФЗ «О морских портах в РФ»). Похожим образом ситуация складывается в законодательствах большинства современных государств.

Делает Конвенцию актуальной и механизм разрешения международных споров, предусмотренный Ч. XV документа. Основным принципом в данном вопросе установлено мирное разрешение споров. Если стороны договорились об использовании иных мирных средств или эти средства не принесли результата, применяются конвенционные процедуры. В соответствии со ст. 277 Конвенции, стороны могут выбрать один из следующих органов урегулирования спора: Международный Трибунал по Морскому праву (МТМП), Международный Суд ООН (МС ООН), арбитраж, специальный арбитраж. Одним из самых авторитетных органов урегулирования является МТМП, который рассматривает большинство дел по морским спорам. Приложение VI Конвенции устанавливает Статут МТМП.

Однако на сегодняшний день нормы Конвенции не дают исчерпывающего ответа на все вопросы, связанные с деятельностью государств в Мировом океане, ростом их морской правосубъектности, увеличением круга субъектов морепользования.

Например, отдельные лакуны относительно вопросов, касаемых морского дна, привели к ряду межгосударственных разногласий, урегулированных дополнительным Соглашением об осуществлении части XI Конвенции 1982 г. Соглашение было принято в 1994 г. и вступило в силу 28 июля 1998 г.

Еще одной проблемной вехой, препятствующей эффективному воплощению установлений Конвенции, является нарушение отдельных положений некоторыми государствами. Так, Конвенция Монтре 1936 г.², а также ч. III Конвенции 1982 г., устанавливающие, что Черноморские проливы открыты для судоходства всех государств. Однако в 1994 г. Турция в одностороннем порядке ввела Регламент прохождения через эти проливы крупнотоннажных танкеров, а в 1998 г. – Регламент по перевозке опасных грузов³.

¹ Конвенция ООН по морскому праву. Значение Конвенции. – URL : <https://www.un.org/ru/law/lawsea/convention.shtml> (дата обращения 06.02.2022).

² Конвенция о режиме проливов (Конвенция о режиме Черноморских проливов) (Монтре, 20 июля 1936 г.) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, 1937 г. Отдел II. № 13. Ст. 71.

³ Котляр В.С. Международно-правовой режим Черноморских проливов и политика Турции в вопросе о режиме проливов / В.С. Котляр // Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина. – М. : Статут, 2014. – С. 182–204; С. 189.

Отдельного внимания заслуживают территориальные споры между отдельными государствами. Например, с 1991 г. наблюдаются трения между Хорватией и Словенией по вопросу обладания участком побережья Адриатического моря. При этом обе стороны апеллируют к ст. 15 Конвенции¹.

Помимо этого, в настоящее время существует ряд других проблем, связанных с международной деятельностью в Мировом океане, требующих: формирования международно-правовой базы антитеррористической деятельности, регламента судоходства в Арктике, решения проблем безопасности судоходства и сохранения окружающей среды в акватории Северного Ледовитого океана, разграничения исключительных экономических зон и континентального шельфа в отдельных регионах мира².

Таким образом, принятие Конвенции по морскому праву 1982 г. является событием эпохального значения, поскольку документ, с одной стороны, подытоживает все достижения морского права до середины XX века и знаменует окончание определенной эпохи в истории морского права, а, с другой, открывает новую страницу в истории ММП и закладывает фундамент его дальнейшего развития в условиях динамично развивающихся международных морских отношений. Современные международные морские отношения параллельно развиваются в национальной и глобальной плоскости на основании положений Морской Конвенции 1982 г. Бесспорно, механизм урегулирования споров, закрепленный в документе, представляет собой сложную систему, инновационную для своего времени и не теряющую актуальности и в наше время³. Поэтому нельзя не согласиться со словами А.Л. Колодкина, называющего Конвенцию всеобъемлющим документом по морскому праву, исторической вехой в области кодификации и прогрессивного развития международно-правовых норм⁴.

Несмотря на это остается ряд проблемных аспектов, часть из которых связана с неэффективностью отдельных механизмов, предусмотренных Конвенцией, другие проблемы связаны с определенной пробельностью документа и бурным развитием международных морских отношений в XXI в., требующих правовой регламентации. Однако это говорит не об устарелости положений Конвенции, а о динамичности и гибкости международного права, находящегося в процессе непрерывного развития. На сегодняшний день нет достаточных оснований говорить о необходимости списания

¹ Титова Т.А. К вопросу о некоторых проблемах применения Конвенции ООН по морскому праву / Т.А. Титова // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. – № 1. – С. 178.

² Международное право : учебник / Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. – М. : Омега-Л, 2011. – С. 342.

³ Толстых В.Л. Международные суды и их практика : учеб. пособие. – М. : Международные отношения, 2015. – С. 385.

⁴ Колодкин А.Л. Международная Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. – URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/9802-konvenciya-morskomu-pravu-1982-goda> (дата обращения 06.02.2022).

Конвенции и принятия совершенно нового документа. На сегодняшний день существуют более эффективные механизмы преодоления различных проблем, которые регулярно возникают в системе современного МП.

*Куц С.О.,
I курс магистратуры,
СКФ ФГБОУ ВО РГУП,
г. Краснодар;
помощник судьи
Арбитражного суда Северо-Кавказского округа
Научный руководитель:
Новикова Т.В.,
кандидат юридических наук, доцент*

РАЗВИТИЕ КОЛЛИЗИОННОГО РЕЖИМА ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ 1211 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стремительное развитие экономических отношений между государствами и расширение потенциального круга контрагентов в сфере международного гражданского оборота неуклонно увеличивают число частноправовых договоров с иностранным элементом. Указанные договоры в силу природы их заключения имеют связь с несколькими правовыми порядками, что порождает необходимость определения надлежащего правового порядка – применимого права.

Механизм определения права, применимого к договорным отношениям, напрямую зависит от воли сторон в указанном вопросе (оговорка о применимом праве), наличия унифицированных материальных и коллизионных норм, действующих для сторон контракта, а также субъекта правоприменения. К примеру, А.А. Шулаков при определении алгоритма отыскания применимого права выделил девять этапов с исключением продвижения по алгоритму в случае отыскания надлежащего правового порядка на одном из этапов¹. Разработанный А.А. Шулаковым механизм рассчитан на российского правоприменителя и охватывает этапы от активации нормы непосредственного применения до прямого приложения принципа наиболее тесной связи как резервной коллизионной привязки² к оцениваемым отношениям.

¹ Шулаков А.А. Интересы публичного порядка и алгоритм определения права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом / А.А. Шулаков // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4 (125). – С. 185.

² О понимании принципа наиболее тесной связи как коллизионной привязки см.: Асосков А.В. Основы коллизионного права. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – С. 287–316.

Одновременно с этим очевидно, что «сердцевиной» международного частного права остается вопрос определения применимого права в отсутствие соглашения сторон путем применения коллизионных норм¹. Предметом настоящего историко-правового исследования явилась статья 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) как способ решения коллизионного вопроса при отсутствии соглашения сторон о применимом праве, а также унифицированных коллизионных норм.

Первоначальная редакция статьи 1211 ГК РФ явилась неоспоримым прорывом в коллизионном регулировании договорных отношений в рамках российского права. Так, А.В. Асосков отмечает, что жесткая коллизионная привязка без возможности применения корректирующей оговорки в виде принципа наиболее тесной связи отличала коллизионное регулирование в советском и российском праве вплоть до принятия части третьей ГК РФ².

Первоначальная редакция статьи 1211 ГК РФ во многом заимствовала европейский опыт коллизионного регулирования договорных обязательств³, воплощенный на дату разработки проекта в практике применения статьи 4 Конвенции о праве, применимом к контрактным обязательствам (Рим, 19 июня 1980 года) (далее – Римская конвенция 1980)⁴.

Так, пункт первый статьи 1211 ГК РФ указывал на общую презумпцию в отношении договорных обязательств в отсутствие соглашения сторон, а именно: на применение права страны, с которой такое отношение наиболее тесно связано. Второй пункт по аналогии с механизмом статьи 4(3) Римской конвенции 1980 конкретизировал, что страна, с которой договорные отношения считаются наиболее тесно связанными, определяется по месту жительства или основному месту деятельности стороны, осуществляющей характерное исполнение по оцениваемому договору для физического и юридического лица соответственно⁵.

Третий пункт закрепил перечень сторон, осуществляющих характерное исполнение, по отдельным видам договоров: от купли-продажи до лицензионного договора. Указанные 19 видов гражданско-правовых

¹ Севрюгина З.А. Действие коллизионных норм в международном частном праве России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 100.

² Асосков А.В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 435–437.

³ Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – С. 420–421.

⁴ Convention on the Law applicable to Contractual Obligations. 1980, June 19. 1605 U.N.T.S. 59.

⁵ Несмотря на заимствование механизма Римской конвенции 1980, отечественный законодатель при определении стандарта стороны, осуществляющей характерное исполнение, намеренно указал на необходимость оценки «места жительства» или «основного места деятельности» такой стороны, отказавшись от стандарта Римской конвенции 1980 – определения стороны по «обычному месту пребывания» физического лица или по «основному коммерческому предприятию» стороны, то есть фактическому месту осуществления деятельности. Подробнее см.: Асосков А.В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств : дис. ... д-р. юрид. наук. – М., 2011. – С. 444–449.

конструкций были призваны облегчить применение статьи 1211 ГК РФ путем перечисления итогов научного анализа распространённых видов договоров с точки зрения теории характерного исполнения¹.

В свою очередь четвертый пункт указал на исключения из общей теории характерного исполнения, используемой во втором-третьем пунктах, проложив иные коллизионные решения в отношении отдельных видов договоров (к примеру, для договора простого товарищества).

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что текстуально пункты со второго по четвертый содержали корректирующую оговорку. Такая оговорка вновь указывала на применение принципа наиболее тесной связи, если это явствовало из существа оцениваемых отношений.

На основании представленной структуры первоначальной редакции статьи 1211 ГК РФ, схожей с механизмом статьи 4 Римской конвенции 1980, доктринальные исследования указывали на существенные недостатки такого решения коллизионного вопроса. Центр тяжести обоснованной критики смещался к указанию на «замкнутый трехступенчатый контур», который не способствовал упрощению отыскания применимого права². А.В. Асосков подчеркивал, что использование принципа наиболее тесной связи в качестве способа разрешения коллизионного вопроса как до применения теории характерного исполнения (пункт первый), так и после (корректирующие оговорки в пунктах втором-четвертом) «принижает значение теории характерного исполнения и неоправданно усложняет процесс определения договорного статута»³. Отдельно подвергались критике формулировка корректирующих оговорок, использование в стандарте конструкций «места жительства» и «основного места деятельности» стороны договора⁴, а также отсутствие разрешения «мобильного конфликта», возникающего вследствие изменения «места жительства» и «основного места деятельности» стороны после заключения договора⁵. Критика первоначальной редакции статьи 1211 ГК РФ совпадает с замечаниями в адрес механизма коллизионного регулирования договорных отношений Римской конвенции 1980 года⁶.

¹ Асосков А.В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ / А.В. Асосков // Хозяйство и право. – 2014. – № 2. – С. 20–22.

² Асосков А.В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств : дис. ... д-р. юрид. наук. – М., 2011. – С. 438–439; Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – С. 421–423.

³ Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – С. 422.

⁴ Антонова Е.И. Договорные обязательства с участием иностранных субъектов : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002. – С. 41–43.

⁵ Асосков А.В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств : дис. ... д-р. юрид. наук. – М., 2011. – С. 438–453.

⁶ См., к примеру: Hans Ulrich Jessurun d'Oliveira, «Characteristic Obligation» in the Draft EEC Obligation Convention, 25 Am. J. Comp. L. 303 (1977); Kurt Lipstein, Characteristic Performance – A New Concept in the Conflict of Laws in Matters of Contract for the EEC, 3 Nw. J. Int'l L. & Bus. 402 (1981). – P. 409–411.

Реформа раздела VI «Международное частное право» ГК РФ, запущенная в 2008 году¹, изменила структуру статьи 1211 указанного кодекса в свете европейского опыта модернизации анализируемого коллизионного вопроса, приведшего к принятию Регламента (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 года о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») (далее – Регламент Рим I)². Механизм статьи 1211 ГК РФ после проведенной реформы, прежде всего, избавился от неоправданного усложнения в виде «трёхступенчатого замкнутого контура» в пользу разрешения коллизионного вопроса через применение теории характерного исполнения с оставлением корректирующей оговорки в форме принципа наиболее тесной связи. Решение так называемого «мобильного конфликта» вылилось в указание в пункте первом статьи 1211 ГК РФ на необходимость оценки судом всех обстоятельств сделки на момент ее заключения.

Членами рабочей группы по разработке проекта новой редакции статьи 1211 ГК РФ отмечалось, что для целей правовой определенности применение корректирующей оговорки возможно только при мотивированном указании суда на наличие явных (выделено нами. – С.К.) свидетельств о наличии наиболее тесной связи с государством, отличным от полученного в результате применения теории характерного исполнения³.

Одновременно с этим стоит отметить, что в настоящее время отдельные тексты судебных актов российских судов не позволяют в полной мере оценить рассуждения о применении конкретных норм права, а также об отклонении тех или иных доводов участников по делу при применении статьи 1211 ГК РФ. Так, к примеру, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 08.06.2021 по делу № А40-67276/2020 при отклонении довода кассационной жалобы о необходимости применения к спору положений Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 года) отмечено: «Суды, проанализировав условия договора применительно к положениям ст. 431 ГК РФ, пришли к выводу о том, что к спорным правоотношениям подлежит применению законодательство Российской Федерации. Иного, применительно к норме ст. 1211 ГК РФ, суды не установили. Таким образом, при разрешении данного спора суды обоснованно применили нормы материального права Российской Федерации»⁴.

¹ Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 29 (Ч. 1). Ст. 3482.

² Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I), 2008 O.J. (L 177) 6.

³ Асосков А.В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ / А.В. Асосков // Хозяйство и право. – 2014. – № 2. – С. 21.

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08 июня 2021 г. № Ф05-12101/2021 // Информационная система Картотека арбитражных дел: интернет-портал. – URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d3171468-c266-48fe-b152-e6031e04f105/8b89e48e-4c31-47d5-975c-bc4aef349322/A40-67276-2020_20210608Reshenijaipostanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 07.02.2022).

Между тем, ни указанное постановление окружного суда, ни судебные акты первой¹ и апелляционной инстанций² не содержат описания места основной деятельности истца и ответчика, их национальной принадлежности. Первое необходимо для определения применимого права к контракту по смыслу статьи 1211 ГК РФ, второе – для определения наличия между сторонами спора действующих унифицированных материальных и (или) коллизионных норм.

При выборе норм иностранного права в рамках статьи 1211 ГК РФ суды не во всех случаях наполняют судебные акты рассуждениями об установлении основного места деятельности стороны, осуществляющей характерное исполнение. Так, в решении Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 25.03.2021 по делу № А56-128568/2018 при разрешении вопроса о применимом праве к договору подряда между юридическими лицами разной национальной принадлежности суд после цитирования пункта 1 и подпункта 1 пункта 2 статьи 1211 ГК РФ указал: «В итоге стороны согласились, что применимым материальным правом при рассмотрении настоящего спора является право Республики Финляндия; при этом истец настаивал на применении положений Конвенции Организации объединенных наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11.04.1980), ответчик считал необходимым рассматривать дело по Принципам международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА). Таким образом, суд рассматривает настоящее дело с применением материального права Республики Финляндия»³. Судебный акт оставлен без изменения постановлением суда апелляционной инстанции⁴ и

¹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 02 ноября 2020 г. № А40-67276/20-141-491 // Информационная система Картоoteca арбитражных дел: интернет-портал. – URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d3171468-c266-48fe-b152-e6031e04f105/d7b81938-cb46-4ac2-81a1-94f874263286/A40-67276-2020_20201102Reshenijaipostanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 07.02.2022).

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01 марта 2021 г. № 09АП-72851/2020-ГК // Информационная система Картоoteca арбитражных дел: интернет-портал. – URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d3171468-c266-48fe-b152-e6031e04f105/ef61b282-d849-4203-8618-0a8365b87d11/A40-67276-202020210301Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 07.02.2022).

³ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 25 марта 2021 г. № А56-128568/2018 // Информационная система Картоoteca арбитражных дел: интернет-портал. – URL : <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/73c48261-9904-44ae-a43f-eddc3c464656/d4b4daef-440b-48fd-8712-05c5f86d42c7/A56-128568-201820210325Reshenie.pdf?isAddStamp=True> (дата обращения 07.02.2022).

⁴ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 июля 2021 г. № 13АП-11808/2021 // Информационная система Картоoteca арбитражных дел: интернет-портал. – URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/73c48261-9904-44ae-a43f-eddc3c464656/7faa1ba1-7bcb-4a01-b158-2225b2159e42/A56-128568-2018_20210723Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 07.02.2022).

окружного суда¹. Однако стоит отметить, что суд кассационной инстанции произвел усиление мотивировочной части судебного акта путем указания на подпункт 5 пункта 2 статьи 1211 ГК РФ как основание для применения права Республики Финляндия судом первой инстанции.

В практике отмечаются случаи, когда при наличии действительного и исполнимого соглашения о применимом праве между сторонами суды для определения надлежащего правопорядка обращаются к коллизионным нормам. Отменяя судебные акты, которыми суды вывод о пропуске срока исковой давности мотивировали нормами российского, китайского, шведского права (по национальной принадлежности ответчика и истца соответственно, а также по праву, указанному в соглашении), Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул: «Во внешнеторговых контрактах, положенных в основу требований общества «Джили-Моторс», имеется оговорка о применимом праве, поэтому этот вопрос подлежал разрешению в первоочередном порядке»².

На основании изложенного можно сделать вывод, что развитие положений российского коллизионного права в части определения применимого права в отсутствие соглашения сторон напрямую связано с развитием теории характерного исполнения и ее применением в европейских странах. Принимая во внимание опыт западноевропейских стран коллизионного регулирования указанного вопроса, отечественный законодатель создал адаптированный под российскую правовую реальность механизм разрешения коллизионного вопроса на основе теории характерного исполнения с принципом наиболее тесной связи в качестве корректирующей оговорки.

Между тем, стоит также отметить, что затруднение в понимании практики применения статьи 1211 ГК РФ может вызывать отсутствие в отдельных случаях транспарентных рассуждений на этот счет в судебных актах российских судов. Преодолеть отмеченное затруднение, по нашему мнению, представляется возможным посредством юридической реконструкции логических связей в актах российских судов.

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02 декабря 2021 г. № Ф07-15815/2021 // Информационная система Картотека арбитражных дел: интернет-портал. – URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/73c48261-9904-44ae-a43f-eddc3c464656/5bd8386d-b919-4309-9b79-af5c1be46a46/A56-128568-201820211202Postanovleniekassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 07.02.2022).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2021 г. № 308-ЭС20-18927 // Информационная система Картотека арбитражных дел: интернет-портал. – URL : <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2d79ea6d-505a-4f8d-bf89-3dce64165907/6865e97e-6526-424f-baeb-ba750d714b96/A25-755-201920210315Opredelenie.pdf?isAddStamp=True> (дата обращения 07.02.2022).

*Пятигора Г.Н.,
I курс магистратуры,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

*Научный руководитель:
Новикова Т.В.,
кандидат юридических наук, доцент*

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОВ В СВЯЗИ С ВСТУПЛЕНИЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ВТО

Российское государство вступило во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2012 году, спустя девятнадцать лет после подачи первой заявки на участие в Генеральном соглашении по тарифам и торговле 1947 года (ГАТТ 1947). Обозначенные годы выразились в тщательной подготовке России к тому, чтобы осуществить модернизацию экономической сферы и стабилизацию деловой среды. Подготовительные мероприятия разрабатывались и были реализованы на основе различных актов: законов, указов, постановлений.

В ходе ведения переговоров, касающихся присоединения России к ВТО, члены рассматриваемой организации стремились к тому, чтобы отечественный правовой режим обязательно включал в себя ключевые отправные начала, свойственные для исследуемого сообщества. К последним необходимо отнести режим наибольшего благоприятствования, национальный режим, прозрачность и законность¹.

В документе Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации, который подводит итоговые результаты деятельности нашего государства и переговоров о вступлении, указаны многочисленные шаги, предпринятые для приведения отечественного правового режима, регулирующего международную торговлю, в соответствие с соглашениями ВТО.

Следует отметить, что изменение внутригосударственных актов в соответствии с требованиями ВТО осуществляется с целью устранения возможных противоречий между ними, а также для реализации защиты российских юридических лиц и предпринимателей в случае возникновения спорных ситуаций в рамках рассматриваемой организации.

Соблюдение требований ВТО – это не статичная концепция, а скорее непрерывный процесс, требующий постоянных ежедневных усилий каждого члена организации². После почти двадцати лет модернизации и интернационализации своего экономического правового режима Россия

¹ Степанов С.А. Соответствие современного российского законодательства нормам ВТО / С.А. Степанов // Экономическая политика. – 2019. – № 1. – С. 13–17.

² Скутина Ю.В. Особенности вступления России в ВТО / Ю.В. Скутина, Н.В. Захарова // Актуальные проблемы. – 2020. – № 8. – С. 7–11.

продолжает осуществлять данный процесс. В первый год членства в ВТО появились обнадеживающие признаки того, что Россия будет придерживаться интеграционного курса относительно международного торгового сообщества и станет конструктивным членом ВТО. Данная тенденция имеется и в настоящее время. Российское государство осуществляет процедуру имплементации международных норм во внутригосударственное право. Представляется необходимым рассмотреть несколько примеров.

В соответствии со своим Протоколом о присоединении Россия обязалась поэтапно снизить тарифы. Были проведены один раунд снижения тарифов при вступлении и второй раунд снижения – в августе 2014 года. Кроме того, были изменены отечественные тарифы в соответствии с решениями Евразийской экономической комиссии.

Что касается других пограничных мер, Россия снизила таможенные сборы, внесла изменения в правила таможенной оценки и отменила некоторые процедуры лицензирования импорта в соответствии с обязательствами по ВТО. Аналогичным образом были снижены экспортные пошлины, как того требуют нормы ВТО.

Помимо обозначенного, следует подчеркнуть, что наше государство выполнило обязательства в области внутренней поддержки сельского хозяйства. Кроме того, Россия продолжает поддерживать определенные меры СФС, которые соответствуют международным стандартам, предоставляя членам ВТО оценки рисков для этих мер, которые учитывают имеющиеся научные данные и методы оценки рисков, разработанные соответствующими международными организациями¹.

В дополнение к мерам СФС, обязательства России по ВТО касаются других нетарифных мер, которые могут действовать как заграничные, благоприятствующие продукции отечественного производства. Например, правила ВТО запрещают дискриминацию в отношении импортируемых товаров по отношению к товарам отечественного производства импортирующего члена (национальный режим), а также дискриминацию в отношении импорта из других членов ВТО (режим наибольшего благоприятствования). Россия решила проблемы национального вопроса, вызванные режимом «промышленной сборки» автомобилей². Государством компенсируются следующие потери.

Во-первых, затраты, которые относятся к увеличению размера импортных пошлин на товары, которые необходимы для деятельности по производству моторных транспортных средств, а также их запасных частей. В данный перечень включены и те товары, которые необходимы для осуществления промышленной сборки. Во-вторых, потери, которые могли

¹ Зайнагутдинова А.И. Эффективное участие России в ВТО / А.И. Зайнагутдинова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 3. – С. 21–26.

² Наговицин А.А. Россия и ВТО: плюсы и минусы / А.А. Наговицин // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 2. – С. 1–5.

возникнуть в связи с исключением из ТН ВЭД ТС кодов позиций товара, необходимого для промышленной сборки.

Нельзя также не отметить защиту и обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности. Россия добилась значительных улучшений в своем правовом режиме в обозначенной сфере. С августа 2012 года повышен размер пошлины, которая относится к патентованию и государственной регистрации прав в сфере интеллектуальной собственности.

Исключены понятия «резидент», «нерезидент» и дифференциация в отношении них размеров пошлин. Так, например, установлена единая пошлина за регистрацию изобретения, полезной модели, промышленного образца и выдачу патентов на них – 3250 руб. (ранее резиденты вносили 2400 руб., а нерезиденты – 10800 руб.).

На 15 % уменьшена пошлина за регистрацию заявки на патент, если она подается в электронном виде. Это касается и пошлин за регистрацию заявки на товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара. На 50 % уменьшены некоторые пошлины, связанные с патентованием изобретений и промышленных образцов, для субъектов малого предпринимательства.

Наконец, создается специальный суд по интеллектуальным правам, который рассматривает споры в области правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности.

Завершая настоящее исследование, стоит отметить, что одними из основных целей деятельности Всемирной торговой организации выступают либерализация международных торговых отношений и регулирование взаимоотношений государств-участников. Необходимо подчеркнуть, что нет такого соглашения, касающегося свободной торговли, которое бы имело столь широкую сферу действия, как та, которая наличествует у ВТО. Данный факт, безусловно, является весомым преимуществом многофункциональной системы и наличия общего для всех участников механизма разрешения возникающих разногласий.

Протокол, регламентирующий присоединение России к Всемирной торговой организации, вступил в силу почти десять лет назад. Во время обсуждения условий для Российской Федерации многие эксперты прогнозировали крах экономики, если не всей, то отдельных секторов. Однако по прошествии многих лет, даже при некотором ослаблении тарифной защиты, экономическая ситуация в России остается достаточно стабильной. Указанному способствует, в том числе, процедура имплементации международных норм во внутригосударственное право. Изменение отечественного законодательства способствует защите интересов не только юридических лиц и предпринимателей, но и Российской Федерации в целом.

Научное издание

**РАЗВИТИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА**

**Материалы
VIII Всероссийской научно-практической конференции**

(31 марта 2022 г.)

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – И.И. Фоменко
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – О.Я. Фоменко

Подписано в печать 17.11.2023

Бумага «Снегурочка»

Печ. л. 5,8

Усл. печ. л. 5,4

Уч.-изд. л. 4,9

Формат 60×84 ¹/₁₆

Печать трафаретная

Изд. № 1342

Тираж 68 экз.

Заказ № 2493

ООО «Издательский Дом – Юг»

350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3

тел. +7(918) 41-50-571

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: <http://id-yug.com>